
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вот они, Короли — Иван и Михаил.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ВЕДУТ РЕПОРТАЖ С ПУСКОВОЙ СТРОЙКИ ПЯТИЛЕТКИ.

ФАМИЛЬНЫЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15 (2388)

Основан 1 апреля 1923 года

7 АПРЕЛЯ 1973

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ДРАГОЦЕННОСТИ

КОРОЛИ

— Где Короли сегодня работают? — спросил Сердюк у прораба.

— Один на мазутопроводах...

— Это который: Иван или Михаил?

— Да разве их разберешь! Надо в табель заглянуть,— ответил прораб.

— А королевы?

— Одна там же...

— Которая?

— Как сказать... Они же только сами друг дружку различают.

— Вот что,— решил Сердюк,— бери мою машину и вези их всех сюда. Тут и разберемся...

Так я познакомился с Королями. Они вошли, гремя брезентовыми робами, надетыми поверх свитеров и стеганок. Два совершенно одинаковых парня: выше среднего роста, плечистые, круглолицые. И с ними двое девчат, голубоглазые, худенькие и в таких же робах.

Вскоре этот башенный кран-силач примется за работу.

Чернобыльская АЭС. Монтаж конструкций основания машинного зала ведет бригада В. П. Шкоды.

Продолжение см. на стр. 6—7.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

о награждении журнала «Огонек» орденом Ленина

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, освещению общественно-политической жизни советского народа наградить **журнал «Огонек»** орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
2 апреля 1973 г.

ПЯТОЕ ВСЕАРМЕЙСКОЕ

27 марта в Большом Кремлевском дворце открылось V Всеармейское совещание секретарей партийных организаций. Представители коммунистов армии и флота — боевого отряда нашей партии — собрались, чтобы обсудить важнейшие проблемы партийно-политической и идеологической работы в Вооруженных Силах СССР.

В президиуме совещания — товарищи М. А. Суслов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, первые заместители министра обороны СССР Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, генерал армии В. Г. Куликов, генерал армии С. Л. Соколов, заместители министра обороны СССР, другие советские военачальники.

Тепло встреченный присутствующими, на совещании выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Он огласил приветствие ЦК КПСС Всеармейскому совещанию секретарей партийных организаций. С докладом выступил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Затем с докладом выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев.

Участники совещания с большим воодушевлением приняли письмо Центральному Комитету КПСС. 29 марта совещание закончило свою работу.

Фото А. ХРУПОВА.

НГУЕН ТХИ БИНЬ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

По приглашению Советского правительства нашу страну с официальным визитом посетила член ЦК Национального фронта освобождения, министр иностранных дел Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь. Ее сопровождали члены делегации: член ЦК НФО, посол Республики Южный Вьетнам в СССР Данг Куанг Минь и посол РЮВ в ПНР Чан Ван Ты.

27 марта состоялась беседа между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел РЮВ Нгуен Тхи Бинь и сопровождающими ее членами делегации.

Во время беседы, проходившей в обстановке братской дружбы, состоялся обмен мнениями по ряду международных вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе о положении в Южном Вьетнаме.

Нгуен Тхи Бинь и сопровождающих ее членов делегации принял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Встреча прошла в теплой, сердечной атмосфере.

28 марта член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле орден Дружбы народов видной общественной деятельнице, члену Центрального комитета Национального фронта освобождения, министру иностранных дел Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь. Этой награды она удостоена за большие заслуги в деле укрепления международной солидарности прогрессивных, демократических и миролюбивых сил, плодотворную деятельность по обеспечению мира во Вьетнаме и сплочению патриотических сил Южного Вьетнама и в связи с Международным женским днем 8 Марта.

Н. В. Подгорный сердечно поздравил Нгуен Тхи Бинь с награждением орденом Дружбы народов и пожелал ей доброго здоровья и успехов в ее благородной деятельности. Он сказал, что советский народ полон решимости и впредь неизменно выступать на стороне патриотических и прогрессивных сил Южного Вьетнама в их справедливой борьбе за последовательное осуществление подписанных соглашений, за мирный, независимый, демократический и нейтральный Южный Вьетнам.

От имени Национального фронта освобождения, Временного революционного правительства и народа Южного Вьетнама Нгуен Тхи Бинь выразила искреннюю и глубокую благодарность великому советскому народу, Коммунистической партии Советского Союза и Советскому правительству за большую и ценную помощь и поддержку борьбы вьетнамского народа.

«Как в годы войны, так и в дни мира, — сказала она, — вьетнамский народ неизменно рассматривает дружбу и сплоченность с братским советским народом, со всеми другими социалистическими странами как важный фактор всех своих побед».

2 апреля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле члена Центрального комитета Национального фронта освобождения, министра иностранных дел Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь и сопровождающих ее членов делегации — члена ЦК НФО, посла Республики Южный Вьетнам в СССР Данг Куанг Миня и посла РЮВ в ПНР Чан Ван Ты.

Во время пребывания в Советском Союзе Нгуен Тхи Бинь имела встречи с председателем Центрального правления Общества советско-вьетнамской дружбы летчиком-космонавтом СССР Г. С. Титовым, председателем Комитета советских женщин В. В. Николаевой-Терешковой, председателем президиума Союза советских обществ дружбы Н. В. Поповой.

Нгуен Тхи Бинь и сопровождающие ее лица совершили поездку в Ленинград.

Советские люди оказали посланцам вьетнамских патриотов сердечный прием.

На снимке (справа налево): Н. В. Подгорный, Нгуен Тхи Бинь, Б. Н. Пономарев.

Фото А. Гостева.

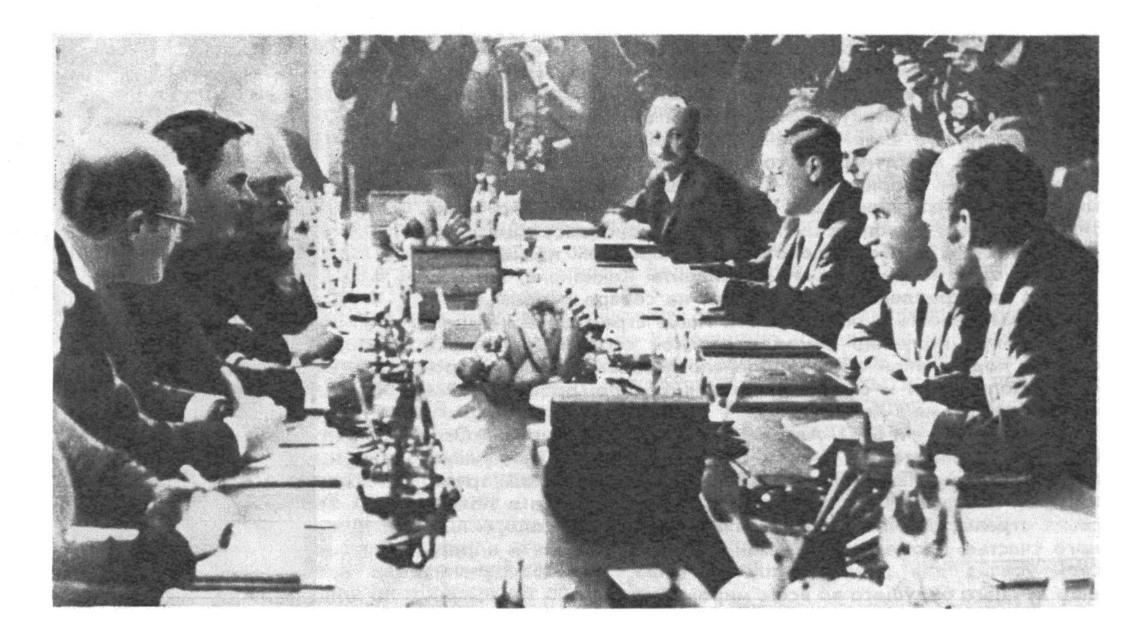
ВИЗИТ А. Н. КОСЫГИНА В ШВЕЦИЮ

2 апреля из Москвы в Швецию с официальным визитом отбыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

В тот же день товарищ А. Н. Косыгин прибыл в Стокгольм.

2 апреля в Стокгольме состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и премьер-министром Швеции У. Пальме.

В ходе переговоров, проходивших в откровенной и дружественной обстановке, были рассмотрены вопросы сотрудничества Советского Союза и Швеции в деле укрепления международного мира и безопасности, а также другие международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: во время переговоров в Доме правительства Швеции.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Соболева.

ДОБРЫЕ ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ

Шестого апреля исполняется 25 лет советско-финляндскому Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Наш корреспондент Ю. Свердлов обратился к послу Финляндии в Советском Союзе г-ну Б.-О. Алхолму с просьбой прокомментировать это событие.

— Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный между Финляндией и Советским Союзом в апреле 1948 года,— сказал г-н Б.-О. Алхолм,— является основным договором финляндско-советских отношений, с помощью которого стало возможным развивать отношения между нашими странами в положительном и выгодном направлении для обеих сторон. На его основе возник целый ряд других финляндско-советских соглашений.

В качестве примера г-н Б.-О. Алхолм указал на соглашения по экономике, технике и науке, которые создали прочную основу для многостороннего сотрудничества между нашими странами. Он отметил, что между Финляндией и СССР также успешно развивается культурное сотрудничество, свидетельством чего служат, в частности, ставшие уже традиционными недели культуры, проводимые поочередно в обеих наших странах. Далее посол сказал: «Многогранная деятельность Обществ дружбы и взаимные контакты городов-побратимов приносят плодотворные результаты, которые содействуют сближению народов обеих стран. По моему представлению, само существование договора не было бы достаточным для неизменного расширения взаимосвязей между нашими странами. Кроме того, необходима была политическая воля для создания и дальнейшего развития добрососедских, доверительных отношений. Самые положительные результаты этой воли теперь конкретно зримы».

Характеризуя международное значение договора, г-н Б.-О. Алхолм отметил, что с точки зрения политики безопасности он выходит за пределы Финляндии и двусторонних финляндско-советских отношений, распространившись на север Европы и весь наш континент. Длинная финляндско-советская граница стала зоной настоящего мира. Посол далее подчеркнул: «Благодаря договору Финляндия имеет возможность проводить активную политику мира. Стороны выразили в договоре свое неуклонное стремление к сотрудничеству в интересах поддержания международного мира и безопасности соответственно целям и принципам Организации Объединенных Наций. На практике Финляндия проводит свою активную политику мира как в вопросах, непосредственно касающихся ее самой, так и в более широком международном плане. Здесь уместно отметить инициативу президента Кекконена, направленную на укрепление безопасности на севере Европы, так и нашу деятельность в рамках ООН. Наше стремление к укреплению мира получило самое наглядное свое проявление в связи с подготовкой общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, проходящей в настоящее время в Хельсинки».

В заключение г-н Б.-О. Алхолм передал через журнал «Огонек» нашим читателям и всем советским людям наилучшие, искренние пожелания успехов в том созидательном труде, который каждый из них проводит на своем участке в пользу своей страны. «Желаю вам,— сказал г-н Б.-О. Алхолм,— личного счастья, здоровья и успеха. Давайте прилагать и впредь свои усилия для дела укрепления мира, для обеспечения еще лучшего будущего во всем мире».

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ

28—29 марта 1973 года в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева работал IV пленум правления Союза писателей СССР.

Роль советской литературы в коммунистическом воспитании трудящихся, задачи писателей в отображении нашей действительности обсуждались участниками совещания.

С докладом «Писатель и пятилетка» выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

В прениях по докладу выступили С. Наровчатов, В. Козаченко, В. Кожевников, Л. Каюмов, А. Салынский, К. Симонов, Г. Абашидзе, секретарь ВЦСПС Л. Землянникова, И. Шамякин, А. Чаковский, Н. Грибачев, П. Боцу, В. Чивилихин, Б. Панкин, Заки Нури, Б. Полевой, первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Щербина, Герой Социалистического Труда Т. Мальцев, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, директор московского завода «Динамо» К. Петухов.

По обсужденному вопросу пленум принял развернутое постановление.

Фото М. Трахмана.

Добровольцы

Всего неделю тому назад многие из них ни о чем еще не знали, не собирались никуда уезжать. Ходили на работу, по вечерам спешили в кино или на свидания, строили планы на будущий отпуск... И вдруг в жизнь ворвалось, заслонив все простое и обыденное, короткое и в общем-то негромкое слово — «Липецк». Одни услышали его на собрании, другие — в райкоме комсомола, третьи увидели на листке цеховой «молнии». Липецк зовет добровольцев! Он ждет молодых посланцев страны, которые построят липецкую Магнитку! Там же — на заводских собраниях, в райкомах — вместе со словом «Липецк» прозвучали другие, знакомые еще по временам Днепростроя и Магнитки слова: «комсомольская путевка». С нее и началось создание всесоюзного ударного комсомольского отряда добровольцев. В отряде — тысяча человек. Им по решению ЦК ВЛКСМ предстоит построить важнейший объект Новолипецкого металлургического завода — самый крупный в стране кислородно-конвертерный цех.

Сбор отряда был назначен в Москве. Комсомольцы из далеких и близких областей страны, съезжаясь в столицу, узнавали друг друга по розовому уголку путевки, торчащему из нагрудного кармана зеленой форменной куртки.

Биографии ребят коротки и несложны. Вот двое из двадцати посланцев Костромы — Борис Садков и Владислав Пансьев. Дружат с детства, вместе учились в школе, после службы в армии вместе пошли работать на завод автоматических линий. Поработали сравнительно немного — два года, но доброе имя себе заслужить успели. Начальство цеха и завода отпустило ребят в Липецк, что называется, с трудом... Собрались быстро — в два дня.

...Вот и кончился день в Москве. Позади Кремль и Красная площадь, приветственные речи, напутствия, пожелания. Отряду вручено знамя, отныне члены его будут называться корчагинцами. Теперь впереди — работа... Эшелону добровольцев отдана целиком одна из платформ Павелецкого вокзала. Смех, пляски, песни до самой последней минуты, до команды «По вагонам!». Поезд с комсомольским значком на электровозе трогается, оркестр играет прощальный марш. Двое ребят-корчагинцев, ухитрившись высунуться в вагонное окно, успевают крикнуть: «Ждем вас в Липецке!»

Б. СМИРНОВ

Фото Д. Ухтомского.

Степан ЩИПАЧЕВ

Опять эти ливни...

Опять эти ливни,
и воздух
от трав и деревьев сырой,
над крышами низкие звезды
под утро... и слезы порой.

Я в жизни о многом жалею,
но не пожелал бы другой.
Ведь нету, уверен, светлее
тех слез, что блеснут над строкой.

В полете — за спутником спутник.
За днями торопятся дни.
Вороны, как серые будни,
но дороги мне и они.

Планету обшарив по карте,
в тревоге у фортки стою.
Деревья, продутые в марте,
апрелю поклон отдают.

От старости некуда деться.
Но вижу, не меркнет строка.
Хочу на друзей наглядеться
уже не на дни — на века.

27 февраля 1973

Перед экраном телевизора

Мне думать хотелось о главном,
и скоро оно началось:
Эльбрусу, а может, Монблану
метель обвевает чело.

В Сибири заиндевел колос.
Но кадр наплывает другой:
под выжженным небом Ангола
забрызгана синькой морской.

Вращается все торопливей
Земля на незримой оси.
На Гану обрушился ливень,
в Гаити чуть-чуть моросит.

Калечили бомбы и мины,
огонь шевелился в золе,
но добрая тень Хо Ши Мина
склонилась к вьетнамской земле.

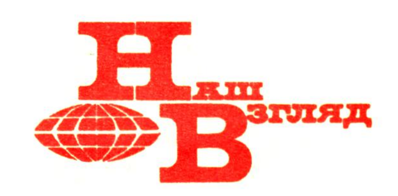
Мы азбуку века учили,
чтоб жизнь продолжалась в нови.
Народные помыслы Чили,
строка моя, благослови.

Дождинки,
пусть это экватор,
пусть север, что мхами пропах,
должно быть, везде пресноваты,
когда ощутишь на губах.

Кленовые листья опали,
последний ложится плашмя...
Гроза засверкала, и пальмы,
темнея, с экрана шумят.

О чудо! Найду ли иное,
уже бытовое, ручное.
Экраны невелики,
но их океанскою голубизною
захлестнуты материки.

Февраль 1973

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КРИЗИС ОБОСТРЯЕТСЯ

Николай ПАСТУХОВ

Валютно-финансовую систему стран капитала продолжает лихорадить. Одна и последовавшая вслед за ней другая девальвации доллара оказались не в состоянии приостановить развитие валютного кризиса, который таит в себе серьезную угрозу всей финансовой системе капитализма. Сейчас на Западе цена золота достигла почти 92 долларов за унцию (при официальной стоимости 42 доллара за унцию). Создавшуюся обстановку даже буржуазные органы печати характеризуют как «самый серьезный валютный кризис со времени «великой депрессии» (имеется в виду мировой экономический кризис капитализма 1929—1933 годов).

Почему же судьба доллара оказывает столь большое влияние на валюты других капиталистических стран? Дело в том, что после второй мировой войны США оказались единственной крупной буржуазной страной, экономика которой не только не пострадала, но и значительно укрепилась. Поэтому монополии США навязали капиталистическому миру свою валютную систему, полностью привязанную к доллару. Его недуги становились болезнью и других валют. А таких недугов по воле военно-промышленного комплекса США немало. Достаточно сказать, что гонка вооружений, агрессия в Корее, а затем во Вьетнаме, поддержка тель-авивской экспансии — все это стимулировало одну из самых серьезных в истории США инфляций, которая привела к ослаблению международных позиций доллара.

Однако лечить больной доллар Соединенные Штаты решили опять же за счет своих торговых партнеров. Это, в частности, выразилось в том, что американские финансовые магнаты, проводя девальвацию доллара, вместе с тем воспрепятствовали осуществлению аналогичных мер в странах Западной Европы и Японии. В результате ряд стран был вынужден установить для своих валют свободно колеблющийся курс. В качестве альтернативы США предложили разработать реформу международной (капиталистической) валютной системы.

Именно этой идее и была посвящена сессия министров финансов так называемого «Комитета 20», в состав которого входят представители главных капиталистических и некоторых развивающихся стран. Соединенные Штаты рассчитывали, что сессия подтолкнет ход переговоров о реформе, а это, в свою очередь, позволит увеличить ввоз американских товаров. Однако замысел был разгадан. Более того, ему было оказано сопротивление.

Спустя почти три десятилетия после окончания второй мировой войны обстановка в мире капитала изменилась. В начале 60-х годов, как это остроумно отмечает газета «Нью-Йорк таймс», политика США в отношении Западной Европы и Японии определялась поговоркой: «Прилив поднимает все лодки». В 1971 году официальный Вашингтон подходил к экономическому конфликту с союзниками как к «международной игре в покер». Сейчас же в Западной Европе говорят, что выиграть в покер можно только в том случае, если кто-то другой проиграет...

Такого рода «игру в покер» и продемонстрировала сессия «Комитета 20». Каждый из ее участников явно желал выиграть, а не проиграть. И, видимо, не случайно французская газета «Насьон» пришла к заключению, что встреча двадцати министров финансов была отмечена «очень четким противостоянием» американских и западноевропейских тезисов.

Итог же сессии оказался плачевным для всех, кто в ней участвовал. Об этом свидетельствует коммюнике, составленное в общих выражениях, и кислая, полная разочарования оценка заместителя министра финансов США П. Уолкера, заявившего, что сессия ограничилась «повторением общих принципов» и рассмотрением «процедурных вопросов».

Но все это, так сказать, внешний фон валютно-финансового кризиса капитализма, свидетельство обострения межимпериалистических противоречий. Они несут трудящимся капиталистических стран новые лишения, ибо монополии всю тяжесть кризиса перекладывают на их плечи. Американская газета «Крисчен сайенс монитор» откровенно заявляет, что «нации придется работать более напряженно для того, чтобы компенсировать убытки девальвации». Совершенно очевидно, что газета призывает американских трудящихся подтянуть пояса. Но во имя кого? Конечно же, во имя американских монополий, которые стремятся компенсировать потери в результате подешевления экспорта и подорожания импорта и тем самым снова укрепить свои позиции на мировых рынках. А тем временем цены в США на продовольствие в целом по стране стали на 22 процента выше, чем они были год тому назад.

Валютно-финансовая лихорадка, введение системы колеблющихся курсов ряда западноевропейских и японской валют по отношению к доллару пагубно сказываются и на внутреннем экономическом положении торговых партнеров США. Так, например, в феврале нынешнего года цены на предметы первой необходимости в ФРГ были на 6,8 процента выше, чем в феврале 1972 года, причем цены на продовольствие за тот же период повысились на 8,5 процента. Бывший министр обороны Англии Хили заявил в палате общин, что дальнейшее снижение курса английской валюты ведет к существенному удорожанию расходов страны по выполнению своих обязательств в рамках Общего рынка. Все это ляжет новым бременем на плечи налогоплательщиков. Цены на предметы первой необходимости, на продовольствие растут в странах Общего рынка и Японии.

Последствия валютно-финансового кризиса капитализма предсказать еще трудно. Ясно одно: он продолжает обостряться.

ФАМИЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Познакомились Михаил, Иван, Надя, Люба. Фамилия одна — Король. Разговор сначала «не шел». На все вопросы хлопцы отвечали почти слово в слово — похожими фразами, а девчата только иногда поддакивали, не сводя с парней радостных взглядов. Начальник чернобыльского подразделения треста «Южтеплоэнергомонтаж» Григорий Михайлович Сердюк не зря предупреждал: «Они будто один в двух лицах. Или двое в четырех лицах. Пришел Иван подписать бумажку, значит, принес такую же бумажку и от Михаила. Есть две работы — не разделятся, сначала одну сделают сообща, потом другую...»

Беседа не получалась. Говорили скупо: «да»—«нет». Разговор оживился, когда Михаил предложил:

— Давайте я за двоих говорить буду. У нас все с братаном одинаковое: и вес, и рост, и биография, и... подход к жизни. Нас по-настоящему различить можно только в апреле: у него веснушки появляются, а у меня нет.

Рассказ Михаила привожу без изменений, как услышал.

— Мы львовские, из-под Стрыя. Родились в сорок шестом году. Батя кузнецом был. Но родители рано умерли. Мы еще совсем пацанами были. Подались на Херсонщину, в школу механизации сельского хозяйства. Там и кормят и одевают... Выучились на трактористов, год работали в колхозе. И тут услыхали про комсомольскую стройку — Криворожскую ГРЭС-2. Очень захотелось стать монтажниками. Мечта такая пришла. Но сразу это не получилось. Не взяли нас на монтаж. По причине малолетства. Устроились слесарями. Техники там невпроворот, уход за нею нужен. Работали от души... И стали нас экскаваторщики к себе в помощники звать. А мы порознь не соглашаемся. Тогда нам говорят: «На один экскаватор два помощника нужны». Согласились. Стали работать на одном экскаваторе, только в разные смены. Хорошо нам: где смазать, где подтянуть, а где и перебрать какой узел надо — все делаем вдвоем, не валим один на другого. И экскаваторщики довольны. Рыли мы ложе под водохранилище, траншеи, котлованы. Два года в Кривом Роге отработали, пока не призвали нас в армию.

Служили, ясное дело, вместе. Танкисты. Младшие командиры. Легко нам служилось. Мы и водители и слесари. Да и три года рабочего стажа для армии не лишние. Других учили, командирам помогали... После демобилизации вернулись на Криворожскую. Мечта, конечно, та же — стать монтажниками. Приняли нас. Курсы окончили. Стали сварщиками-монтажниками. Девять блоков по триста тысяч киловатт сдали... Командировали нас на Бурштынскую ГРЭС, а потом на год — на Ладыжинскую, которая скоростными методами строилась. Чего мы только не варили! И каждая новая работа — новый интерес. Нас за эти годы раза четыре на курсы посылали. Приезжаем в Киев, там ученые в специальной лаборатории передают в наши руки все, чего достигла наука в сварке. Вам, конечно, подробности ни к чему, но какие виды сварки есть на электростанциях — это надо представлять себе. Знаете, как выглядит труба, по которой идет вода под давлением восемьдесят атмосфер и при температуре под полтыщи градусов? Эта стальная труба в темноте светится. Она малиновая от жара, хоть и вода по ней бежит. Ее и трубой назвать неудобно — больше на ствол пушки похожа, только стенки потолще.

На Ладыжинской ГРЭС пускали мы третий, четвертый, пятый и шестой блоки. Вот тут, хоть и считалось это командировкой, развернулись главные события в нашей жизни.— Михаил умолк, посмотрел на брата, одними глазами спрашивая: говорить или не говорить? Потом взглянул на Любу и Надю. Они слушали его с упоением. Прочитав одобрение в их взглядах, он продолжал: — В конце семидесятого, как обычно в конце года,— запарка. Прихватывали и выходные. Так что в начале января у нас вместе с праздниками семь дней отгула получилось. Решили съездить во Львов к родственникам. А начальству в тот период нас двоих никак отпустить не могло. Пришлось нам с Иваном расстаться. Во Львов поехал я один.

...Встречали новый, 1971 год. И познакомился с Надей. Провели мы шесть дней вместе. Показала она мне Львов... Надя там на стройке работала, а сама — из-под Чернигова. Вернулся я в Ладыжин и стал ей письма писать. Она отвечает. Тогда я спрашиваю: а как, мол, ты смотришь на то, чтобы стать монтажницей? Она отписывает: «Если работать вместе с тобой, то согласна и поменять профессию». Ну, я, конечно, все понял. Иду к начальнику и говорю, что хочу пригласить свою невесту. Какую работу мы сможем ей подобрать? А он меня тоже хорошо понял. Нам, говорит, нужны люди с квалификацией. Постарайся сделать из нее хорошую сварщицу.

Приехала Надя в Ладыжин, устроилась в общежитие. Стал я профессии ее обучать — ко мне ученицей зачислили. Присматриваемся друг к другу. Ведь лучше, чем на работе, нигде человека не узнаешь. А женитьба — дело серьезное. Да и привыкли мы все делать наверняка. Так, чтобы потом не переделывать, пока мир стоит. И Ваня с нею познакомился. Все-таки к нам в семью она должна была войти. Мы ж с Иваном всегда были одна семья. Пусть холостяцкая, но семья. Я волновался: как они между собой поладят? Ничего. Подружились. В общем, в июле мы расписались. Сняли банкетный зал в кафе и отметили это событие. Пришли монтажники, наш начальник участка, друзья-футболисты (мы с братаном увлекались футболом). Человек сорок. А из Надиных родственников только ее сестра приехала из Чернигова—Люба. Отец у них — Иван Михайлович Пушкаренко — инвалид Отечественной войны, болеет часто, и мать — Анна Самойловна — боится его надолго оставлять.

В общем, одна Люба приехала. Она на год моложе Нади. Ей тогда еще восемнадцати не было. Когда я в первый раз увидел, показалось, будто это Надя, только в глазах что-то другое. Иван и Люба были нашими свидетелями в загсе. А потом и сами поженились. Люба уехала в Чернигов. А затем в письмах они с Иваном договорились. Приехала она в Ладыжин, направили ее ученицей к Ивану, и рабочий разряд электросварщицы получила.

Сюда, на строительство Чернобыльской атомной станции, приехали все четверо электросварщиками. Мы с Иваном по пятому разряду, Надя с Любой — по третьему. Вот только тут и начинается некоторая разница. У нас с Надей дочка родилась... Наверное, это первая новорожденная в поселке атомной электростанции. Дали нам квартиру. А Иван с Любой комнату в общежитии занимают. Но по вечерам мы все вместе.

...Есть люди, у которых фамилия как характеристика. Конечно, случайно совпадает, что какой-то гетман оказывается действительно Скоропадским, а у некоего Соловьева прорезается чудесный голос. Но, очевидно, отсюда пошло выражение: «Фамилия выдает...» И этому начинаешь верить, когда познакомишься с Иваном, Михаилом, Надей и Любой Королями. Так и видишь прочных, надежных парней, лучистых от счастья девчат, которые чувствуют себя на этой земле, как в собственном королевстве.

22 УМА

— Хотите увидать, как смеется заяц? Нет, не в кино, а под елкой!— многообещающе вопрошал Леонид Васильевич Голубков.

— Любопытно, но не обязательно,— смеясь одними глазами, отвечал Геннадий Иванович Олешко.

— А вы когда-нибудь слышали, как падает снег? Как он шуршит, цепляясь за хвою?

— Это экзотика. А работа?

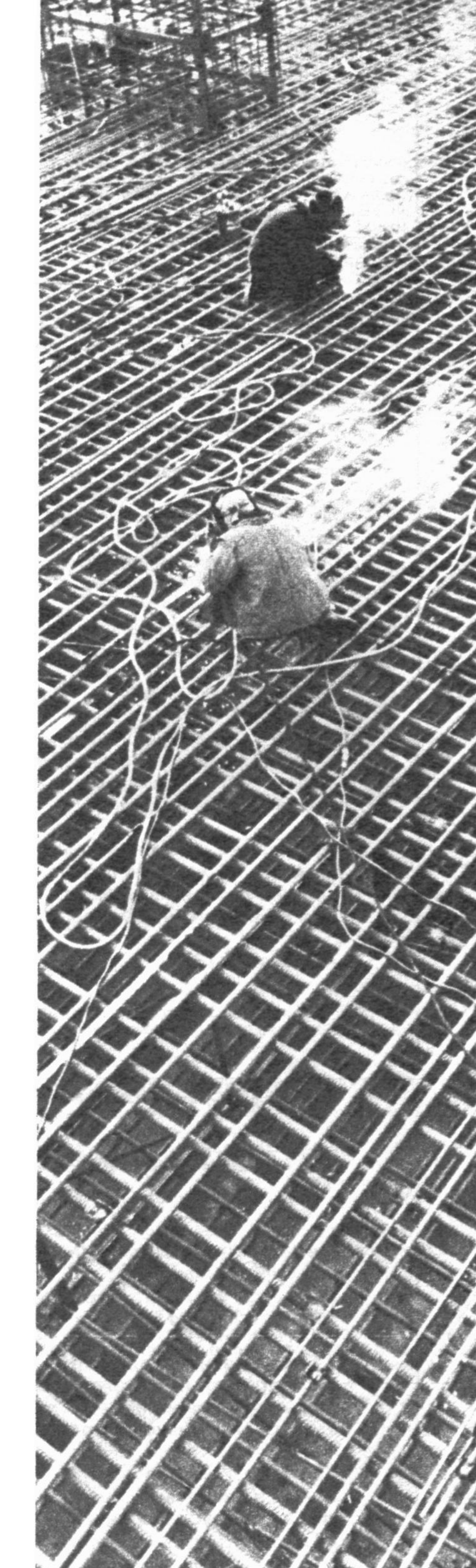
— И я говорю: главное — работа. Что может быть заманчивее, чем каждый день видеть, как твой проект одевается в камень?

И Геннадий Иванович Олешко сдался. Оставил свой отдел в Уральском отделении института «Теплоэлектропроект» и приехал в безымянный поселок Чернобыльского района на Киевщине. Здесь стояло несколько вагончиков, обросших крылечками и веревками для сушки белья. Эти вагончики кто-то в шутку назвал «экспресс Рим — Чернобыль». Но рядом, на живописном берегу Припяти, среди зеленых островов леса уже виделись очертания прекрасного города и современной электростанции. Пока что все это увидеть мог только он — главный архитектор проекта Чернобыльской АЭС.

— Нам повезло,— доверительно сообщил мне Голубков, начальник группы рабочего проектирования.— При нас забили первый колышек на строительстве Чернобыльской АЭС. Это было в 1970 году, а в 1975-м собираемся начать пусковые работы на первом реакторе...

Некоторые киевские журналисты, устремившись на эту стройку, возвращались несколько разочарованными. «Да там какой-то коммунхоз, а не атомная,— рассказывали они.— Два года копаются в земле, возят щебенку, тянут канализацию... А настоящего оборудования даже на складе нету еще. Смотреть не на что».

На Чернобыльской первый куб бетона в здание станции был положен лишь 15 августа 1972 года. Но зато к этому времени были построены дороги, теплотрассы, телефонная сеть, очистные сооружения, заготовочные цехи, домостроительный комбинат... До конца 1971 года в будущем городке энергетиков выросли лишь первые два дома. А уже в следующем была сдана и заселена 41 тысяча квадратных метров жилья, вошло в строй около десятка прекрасно оборудованных магазинов,

Стальное кружево энергетики.

Семья Королей в полном составе.

два детских комбината на 640 мест, четырехэтажная школа, кинотеатр, несколько кафе и столовых. Словом, вырос город с населением около десяти тысяч человек, которому недавно присвоено имя Припять.

На эту стройку, где количество работающих все время растет, не так-то просто устроиться. Здесь не набирают, а подбирают кадры.

— У нас сейчас работают люди с двадцати двух энергетических строек страны,— говорит секретарь парторганизации управления строительства Владимир Анатольевич Лютиков.— С Ладыжинской, Старобешевской ГРЭС, Белоярской атомной, Братской... Мы можем использовать все лучшее из опыта этих строек. Как говорят, ум хорошо, а двадцать два — лучше.

Нынешний год для строителей Чернобыльской АЭС будет серьезным испытанием. Так уж совпало, что возведение первой очереди станции как раз укладывается в рамки девятой пятилетки. Ее третий год стал решающим и для здешних энергостроителей. О задачах 1973 года главный инженер управления строительства Иван Петрович Луков сказал так:

— Гвоздь всей годовой программы—ударными темпами сдать шахту реактора. Сюда направлены лучшие бригады.

Но строители, особенно такие опытные, как здесь, хорошо знают, что любые инженерные расчеты, новаторские разработки, энтузиазм и инициатива людей — все может рухнуть по вине поставщиков-смежников. Вот в нынешнем январе, например, стройка не получила и половины необходимого металла, ни горбыля леса, сотни тонн камня и щебня. В результате пострадал план. Чтобы подхлестнуть поставщиков, глухих даже к телеграммам с оплаченным ответом, строители вызвали их на соревнование! Теперь слово за металлургами Макеевки и Кривого Рога, Днепродзержинска и Краматорска...

ПЕРЕЕЗЖИЕ

Говорят: два раза переехать, все равно что один раз погореть. Поэтому они решили: «Баста! Больше никуда не тронемся».

Анна Михайловна рассуждала так: рано или поздно, но остановиться надо. А где это лучше сделать, как не в Ладыжине? Трехкомнатная квартира со всеми удобствами, климат благодатный — Винницкая область. Кроме того, тут родина мужа. Да и время уже. Павлу Демьяновичу за сорок, трое детей, старшие — школьники. Второй десяток лет колесят по стране. Строили Карагандинскую ГРЭС-2, потом Ермаковскую, потом три года — Джамбулскую.

В феврале 1968 года, когда в Джамбуле все цвело, когда строители электростанции ходили победителями (Павла Демьяновича наградили орденом Трудового Красного Знамени, сестру и зятя — медалями, ей самой, как бригадиру комплексной комсомольско-молодежной бригады, вручили грамоту и премию) — они (все четверо) отправились в Ладыжин.

Там — сады в цвету были, а сюда прилетели — сугробы по пояс. Пришли в управление строительства, предъявили документы. Кадровик аж за сердце схватился:

— Не взять вас не могу и взять не имею права: жилья — ни метра. Даже в этом конторском вагончике экскаваторщики ночуют...

На месте будущего поселка меж сугробами тарахтели экскаваторы, рыли траншеи и котлованы под фундаменты первых зданий. А Павел Демьянович и Анна Михайловна Борисюки вместе с Марией Михайловной и Григорием Николаевичем Бескаравайными направились в ближайшее село, где с большим трудом сняли одну комнатку на четверых. Хорошо еще, что сестры — Анна Михайловна и Мария Михайловна, как и их мужья, ни разу в жизни еще не приходили «на готовенькое». Дома, в которых жили, улицы, по которым ходили, они привыкли строить своими руками. Так получилось и в Ладыжине. В марте начали они работать, а в августе был готов первый жилой дом, и в нем они получили квартиры.

Нет, не думала Анна Михайловна уезжать из Ладыжина. Но наступил 1971 год, строительство ГРЭС завершалось.

— Первый блок пустили — настоящему строителю делать нечего,— любит повторять Павел Демьянович.

Как-то вечером собрались свояки у телевизора. Футбол смотрят. А сестры на кухне о своем судачат. Вдруг входят обе с газетой, и Анна Михайловна читает: в районе Чернобыля на севере Киевской области начато строительство атомной электростанции...

Переглянулись молча и тут же решили: едем атомную строить! Сдали контейнеры. Приехали в Киев. Оттуда до Чернобыля автобусом, а там уж попутными до стройплощадки.

На месте будущего городка возвышались два незаконченных общежития. И ничего больше. Начальник стройуправления показал им на недостроенные коробки и предложил:

— Любую комнату в общежитии приведите в пригодный для жилья вид и занимайте...

А у них на четверых—два десятка строительных специальностей от плотника и штукатура до паркетчика и электрика. Через неделю две комнаты для двух семей были готовы. Правда, вода не подключена, нет электричества, не действует отопление... Но крыша над головой есть, рамы застеклены. Обед можно сготовить и на камушках перед домом, воду принести за два километра из Припяти, вечера скоротать у керосиновой лампы. Несколько необычно, конечно, жить в квартире, когда мимо твоего окна раствор наверх подают, по коридорам сантехники носят радиаторы, да и сам на работу ходишь... в соседнюю комнату.

Я познакомился с Анной Михайловной во время обеденного перерыва. Ее бригада маляров-штукатуров заканчивала отделку детского комбината.

Во время разговора она все вертела в руках шпатель.

— Что,— спросил я, показывая на шпатель,— приходится и бригадиру черную работу делать? Или сроки подгоняют?

— А я на таких же правах, как все. В бригаде много женщин с высокими разрядами. Есть и поопытнее меня. Вот Мария, моя старшая сестра, она тоже у меня в бригаде. А когда-то я у нее ученицей была. Только она постарше, и ей уже бригадирские хлопоты трудноваты.

— Значит, все-таки сроки подгоняют?

— Да не сроки — мужики! Соревнуемся мы с бригадой плотников, которой мой Павел руководит. Там и Григорий, Марусин муж. Они проворные, но и мы не хуже...

Вечером я был в гостях у Борисюков. Они снова, в который уже раз, въехали в трехкомнатную со всеми удобствами квартиру. Дети у себя в комнате готовили уроки, а мы, выключив телевизор (чтоб не шумел), вели разговор о жизни, о стройке. Естественно, что Бескаравайные были тут же. Они живут рядом.

Мне хотелось понять, что заставляет этих людей переезжать со стройки на стройку, появляясь на новом месте в самое трудное время становления? Уж во всяком случае не деньги. На Джамбулской ГРЭС они зарабатывали в полтора раза больше и после Ладыжина имели возможность туда возвратиться. «Сад, который вы с Аней посадили у дома,— писал оттуда знакомый,— набрал самую силу. Урожай на пуды меряем. И виноградник разросся...»

Нет, меркантильность тут ни при чем. Корыстный человек не стал бы выращивать сад, ухаживать за виноградником, зная наперед, что урожай будут собирать другие. И не тщеславие: ведь они покидают насиженное место как раз в ту пору, когда самое время купаться в лучах славы.

На мой вопрос, что же все-таки заставляет их ездить со стройки на стройку, все четверо улыбались, пожимали плечами и говорили одно и то же:

— Так... Интересно...

А Анна Михайловна добавила:
— Не одни же мы. Вслед за Павлом сюда многие из его бригады приехали. Опытные строители, не те, что в бригаду из местных набирались, а которые с других строек... Одним словом — переезжие.

Наш разговор затянулся до поздней ночи. И я все яснее понимал этих людей. Конечно, лишения им, как и всем, не по вкусу, и комфорт они любят — кто же его не любит! Не обуяны они страстью к перемене мест — отпуск всегда проводят у мамы, в селе. Но зато скажите, что где-то у черта на куличках началась большая, новая, интересная и очень нужная людям стройка, а условия там пока трудные, но строить надо, и кроме них, опытных строителей, это сделать некому — поедут!

— И все же при переездах, наверное, многое теряете?— спросил я.

— От хлама избавляемся,— засмеялся Павел Демьянович.— Детям в наследство не вещи надо оставлять, а хорошую профессию.

— Пять электростанций — вот и все наши фамильные драгоценности,— сказала, улыбаясь, Анна Михайловна.

И я очень живо представил себе гигантское ожерелье из сверкающих электрических огней, украсившее нашу страну,— фамильные драгоценности Королей, Борисюков, Бескаравайных и еще многих миллионов советских людей.

Б. Щербаков. МОСТИК В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ.

Сурен КОЧАРЯН

ХУДОЖНИК И ПРИРОДА

Погожим мартовским утром я вновь забрел в мастерскую моего друга художника Бориса Валентиновича Щербакова. Было воскресенье. Тихо... Слышно было, как тикают часы и звенит за окном звонкая капель.

Лучи весеннего солнца озарили гипсовый слепок головы Аполлона Бельведерского, стеллажи с картинами... Мольберт с начатым холстом, завешанным куском парусины, десятки банок с сотнями кистей — щетинных, колонковых, барсуковых, плоских, как лопатки, и острых, как иглы,— все эти атрибуты, испокон века сопровождающие жизнь любого истинного мастера-живописца.

...Солнечный зайчик зажег краски большого пейзажа, висящего у окна. «Литвиново». Подмосковье. Река Нара. Сентябрь. Бирюзовое осеннее небо с бегущими пухлыми облаками, кроны деревьев — золотой ясень, багряный клен, серебристая ветла и вдали — густая зелень дубравы. Сверкает холодная сталь водной глади, и неожиданно яркой зеленью горит свежескошенный луг...

Я вспомнил стихи Пушкина:

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Блики весеннего мартовского солнца играли на червонных листьях молодых березок, выбежавших на лужок. Тени от облаков еще сильнее подчеркивали мажорную радугу русской осени.

Природа... Это о ней сказал Лев Толстой: «Самая чистая радость, радость природы».

Ни с чем не сравнимое ликование души вызывает в нас прикосновение к дивной красе юных березовых рощ, ощущение богатырских просторов наших великих рек, приобщение к могучему дыханию соснового бора.

Необъятна наша Родина, и порою кажется, что неистребима кладовая богатств ее природы... Но человек не всегда разумно распоряжается ее благами, и порою природа несет невосполнимые потери, и поэтому бережное отношение к ней — великое веяние нашего времени. И не случайно государство наше напрягает усилия, чтобы оградить родную землю от не всегда разумных деяний не в меру ретивых людей.

Эти мысли недаром, не случайно пришли ко мне в тихой мастерской в Большом Черкасском переулке. Ведь Борис Валентинович Щербаков всю свою творческую жизнь — а это без малого сорок лет — посвятил воспеванию красы русской природы, нашей гордости и славы.

Еще в отрочестве ему посчастливилось писать пейзажи рядом с замечательным художником Аркадием Александровичем Рыловым, создателем бессмертных полотен «Зеленый шум» и «В голубом просторе».

И благодарный ученик навсегда запомнил завет учителя: правда и красота — сестры. Художнику только надо научиться видеть вечную гармонию природы и трудом, великим трудом добиваться выражения этой красоты.

Борис Щербаков — неустанный труженик. Ни одного дня, ни одного часа он не мыслит без работы. Праздность и лень — его враги. Этому свидетели — бездна работ, созданных им, десятки сложных исторических и жанровых композиций, десятки портретов, сотни рисунков. Но главное — так кажется мне — пейзажи. Их более тысячи!

Это сюиты, прославляющие святые для нашего сердца пушкинские, тургеневские, толстовские места — Михайловское, Спасское-Лутовиново, Ясную Поляну. Художник воспевает в этих полотнах всю тончайшую гамму нюансов, состояний весны, лета, осени, зимы. И когда глядишь на эти великолепно выписанные холсты, то каждый из них немедленно вызывает адекватные строки из творений классиков русской литературы.

Эти небольшие картины написаны Щербаковым не только с блеском, мастерски, но и с тем неповторимым трепетом сердца, который сопровождает рождение истинных произведений искусства.

Художник объездил Молдавию, Кавказ, Урал, Волгу... Но главное не в километраже пройденных им дорог. Главное — в глубоком проникновении в лирическую суть пейзажа, в постоянном поиске новых состояний, новых средств выражения.

Мне особенно хочется отметить редко встречающееся ныне качество Щербакова — его великолепное мастерство живописца. Никогда я не забуду рассказ Павла Дмитриевича Корина о феноменальном знании и умении Бориса Валентиновича, проявленном им при исполнении одного труднейшего задания.

В свое время группе художников, в том числе Щербакову, было заказано исполнение ряда копий с шедевров Дрезденской галереи. Ему достались для копирования два шедевра — «Вирсавия» Рубенса и «Святое семейство» Мантеньи. Работа заняла более двух лет. Когда этот огромный труд был окончен и копии были выставлены рядом с оригиналами в Дрездене, в галерее, то тысячные толпы зрителей уходили потрясенные. Они не могли отличить повторение от подлинника: столь виртуозно и тонко передал мастер малейшую особенность каждого мазка, каждого штриха оригинала...

Я вспомнил этот рассказ не зря. Ведь что греха таить, слишком часто мы встречаем на наших выставках полотна, в которых вовсе отсутствует школа, мастерство живописца. Порою этот недостаток пытаются подменить некоей «экспрессией» огрубления формы. Это особенно режет глаз в решении пейзажа, отражающего нашу землю. Иногда в экспозициях наших выставок встречаешь пейзажные холсты, в которых как-то на редкость неуютно, пустынно. Не веришь, что в этих схематически построенных пространствах могут жить люди. И эта схоластическая «бесчеловечность» порою выдается за новаторство, поиск.

Мне с этим трудно согласиться, ибо для меня, да, думаю, не только для меня, а для большинства людей соприкосновение с природой, ощущение пейзажа всегда связано с неким трепетом, душевным волнением, которое гениально высказано Львом Толстым: «Раз вышел за Заказ вечером и заплакал от радости благодарной — за жизнь... И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

...Велика магия искусства. Кто из нас не попадал под очарование колдовства кисти Айвазовского, Саврасова, Куинджи, Левитана... Ведь недаром говорится: «Всяк зрячий смотрит, но не всяк зрящий узрит». Большие художники учат нас умению видеть. Порою, любуясь закатом, мы произносим: «Как у Куинджи». Или, глядя на морской прибой, ловим себя на мысли: «Айвазовский». Так искусство входит в жизнь...

На одной из стен студии Щербакова висит небольшой пейзаж. Вглядываюсь. Он бесконечно знаком мне. Широкая золотая река. Напоенный летним закатом воздух. Небольшая церквушка в густой зелени... Плёс. Столь близкий каждому, любящему искусство Левитана.

— Да, это Плёс,— подтверждает художник, отвечая на мой немой вопрос.— Я специально искал ту же точку, то же состояние, которое писал великий живописец. Искал, чтобы изучить, понять тайну левитановского мастерства.

Говорят, однажды спросили у Бернарда Шоу, что важнее для успеха в искусстве: талант или трудолюбие. Шоу усмехнулся и ответил на вопрос вопросом: «А что важнее в велосипеде — переднее или заднее колесо?»

Борису Щербакову таланта не занимать стать. Как, впрочем, и трудолюбия. Но мы ценим его искусство не за виртуозное владение техникой, не за редкую «натуральность», создающую эффект присутствия в его пейзажах. В полотнах живописца мы всегда слышим властно владеющую им одну тему — Родина! И он будит в зрителе безотчетное желание вновь и вновь приобщиться к природе, к любимым с детства местам, вновь и вновь постичь очарование вешних зорь и величие дремлющего под снежным покровом леса, обаяние неяркой красы северного лета и багряный убор осенней поры...

Все это Родина!

В наши дни, когда вопросы защиты, охраны природы приобрели общенародное звучание, искусство Бориса Валентиновича Щербакова становится особо значимо и заслуживает всяческого признания.

Б. Щербаков. ВОЛГА.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Б. Щербаков. ВЕСНА.

ПОЛЯНА.

ЦЕЛЫЙ РУССКИЙ ТЕАТР...

150 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Н. ОСТРОВСКОГО

«Ведь мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший в мире народ».

Островский.

Анатолий СОФРОНОВ

До Островского на небосводе русского театра и драматургии ярко и самостоятельно сияли имена Грибоедова и Гоголя. Герои их были несходны, но при всей несхожести конечный итог размышлений об окружающем их обществе, как это ни странно — но если вдуматься в существо этих размышлений, выраженных в каждом случае по-своему,— был почти тождествен. Чацкий, давая сокрушительную и горькую оценку обществу, выпадал, не вписывался в это общество. Хлестаков прекрасно вписывался, чувствовал в нем себя, как рыба в воде, но тем не менее, не претендуя на обобщения, исходя, казалось бы, из случайного опыта, дал не менее уничтожающую характеристику властьимущим провинциального городка, во главе которого находился Городничий. Вспомним, что сказал Николай I после представления «Ревизора»: «Всем досталось, а мне более всех». Позже, у Островского, в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» появится Глумов. Он окажется в чем-то повыше Хлестакова, и, конечно, он более реалистичен, чем Чацкий. Но злая характеристика, какую он дает обществу, уже ушедшему вперед от Чацкого и Хлестакова, будет по остроте не многим отличаться от того, что вложили в уста своих героев Грибоедов и Гоголь. Только сам Глумов будет посложней и, пожалуй, поопасней для патриархалов, чем его предшественники... Поопасней потому, что не столь максималист и романтик, как Чацкий, и не столь уж хлюст, как Хлестаков. Поэтому и расставаться с ним его патронам не так-то и хочется. Глумов — на тех же дрожжах, что и они, только при всей его вдруг проявившейся простоте умом повыше и взглядом позорче — видит дальше, чем те, кому поневоле Глумов служить должен. Но это будет позже... До Глумова на русскую сцену с появлением первой пьесы «Банкрот», получившей потом название «Свои люди — сочтемся», вышли многообразные, тесно переплетенные друг с другом герои, где каждый или через одного плут и стяжатель, где корысть, власть денег подчиняют себе и любовь, и честность, и родственную порядочность. Но путь этой первой, обратившей на себя внимание пьесы Островского был нелегок. Написанная в 1849 году, многократно одобренная на читках, она была в марте 1850 года опубликована в журнале «Москвитянин»; Гоголь, присутствуя на одной из читок, весьма одобрительно отозвался письменно о комедии молодого драматурга. А в том же марте, утверждая постановление Бутурлинского комитета о запрещении ставить на сцене эту пьесу, Николай I наложил и свою резолюцию: «Напрасно печатано, играть же запретить». Видимо, тень гоголевского «Ревизора» витала над одной из первых пьес Александра Островского. Так началось мученическое служение драматическому искусству художника, который потом, в итоге потрясающей по трудовому напряжению творческой отдачи всех мыслей и чувств, создаст свой великий, национальный по духу и форме театр.

Нет, и с самого начала это не были забавы человека, познавшего на судебной службе все неприглядные стороны бытия своих будущих героев. Обращаясь к начальнику московской цензуры В. И. Назимову, Островский уже тогда писал:

«Главным основанием моего труда, главною мыслью, меня побудившею, было: добросовестное обличение порока, лежащее долгом на всяком члене благоустроенного христианского общества, тем более на человеке, чувствующем в себе прямое к тому призвание. Такой человек льстит себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное в форму искусства, услышится многими и произведет желанное плодотворное впечатление, как все в сущности правое и по форме изящное... Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать... Мне хотелось, чтоб именем Подхалюзина публика клеймила порок точно так же, как клеймит она именем Гарпагона, Тартюфа, Недоросля, Хлестакова и других».

Письмо письмом, объяснения объяснениями, но немедленно после резолюции Николая I в секретном отделении канцелярии московского генерал-губернатора заводится «Дело о литераторе Островском», устанавливается секретный жандармский надзор над ним. А вскоре Островский в связи с этим увольняется в отставку.

Нет, не по ковровой дорожке был начат путь драматурга. Только через много лет, уже после колоссального успеха ряда пьес, в том числе пьесы «Бедность не порок», появится на сцене комедия «Свои люди — сочтемся».

В 1854 году Островский познал счастье художника, идеи и чувства которого нашли горячий отклик у зрителей. На сцене Малого театра 25 января состоялось первое представление комедии «Бедность не порок». Актер и известный рассказчик И. Ф. Горбунов вспоминает: отвечая на слова Островского, прозвучавшие со сцены из уст Прова Садовского «Шире дорогу: Любим Торцов идет!»,— один из зрителей, учитель русской словесности, воскликнул: «Шире дорогу: правда на сцену пришла. Любим Торцов — правда. Это конец сценическим пейзанам, конец Кукольнику. Воплощенная правда выступила на сцену, и вам, молодые люди, предстоит впереди чрезвычайное множество высоких художественных наслаждений,— приготовьтесь!»

В московскую театральную жизнь вошел художник, целиком насыщенный глубоким чувством, герои которого пользовались народным говором, современной ему русской речью; драматург, отлично познавший характеры тех, с кем ему приходилось ежедневно и ежечасно общаться...

Значительно позже, почти на склоне своей творческой жизни, он напишет: «Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлились и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь отживают идеалы 40-х годов...»

Это чувство — философия времени — сопутствовало Островскому все его нелегкие годы. Именно тогда, в то время, когда Островский все больше становился судьбой и внутренней сущностью Малого театра, в самом Малом театре вокруг имени драматурга — а точней, вокруг его драматургии — клокотали страсти и борения; и не так сразу и не скоро он был признан теми, кто сам писал первые страницы славы театра, рожденного как очаг всей новой русской культуры, как первый русский университет всего через полтора года после рождения Александра Островского. Даже великий Щепкин не сразу признал того, кто всем существом своих героев был не только сродни таланту Щепкина, но просто был той же клеточной тканью, что и сами герои. Уже на склоне лет и не на сцене Малого театра Щепкин сыграл Любима Торцова. Все тот же Горбунов, будучи очевидцем знаменательной встречи, так рассказывал о ней: «В конце своей славной жизни, года за три или за четыре до своей смерти, ветеран-художник протянул руку примирения Любиму Торцову и сыграл его в Нижнем Новгороде. С потоками слез обнял он Островского на литературном утре в четвертой гимназии, где мы все участвовали. Сцена была чувствительная. Не помню слов, какие говорил Щепкин, но помню, что Александр Николаевич очень растрогался.

— Какой счастливый Александр Николаевич! — сказал Садовский, когда мы пошли домой.

— Чем?

— Как чем? Михайло-то Семеныч «приидите поклонимся» ему сделал».

Признали Островского постепенно и другие корифеи Малого театра, проникаясь всепокоряющей правдой его драматургии. Но борьба вокруг драматурга продолжала кипеть. Его пытались втянуть в свои идейные русла разные течения. В ту пору К. Леонтьев — один из реакционных публицистов, критик и ближайший сотрудник катковского «Русского вестника» — писал об Островском: «Демократ, ненавистник монашества и православия, изящного барства».

Впрочем, о том, что вокруг его имени идет борьба, Островский и сам чувствовал отлично. В чем только его не обвиняли! Началось с обвинения в плагиате. Сие «сочинение» было опубликовано в газетах и вызвало ответное письмо Островского на страницах «Современника». В письме же к В. Ф. Коршу, одному из соредакторов «Московских ведомостей», Островский писал: «Наглость литературных башибузуков дошла до того, что мы общими силами, несмотря на разность в убеждениях, должны стараться об искоренении этого зла в русской литературе».

Островский, будучи художником, чутко прислушивающимся к биению народного пульса, не хотел, чтобы его терзали только из-за того, что он был **выше** литературной возни, которая сводилась в общем-то к идейно-политическим разногласиям между славянофилами и западниками. Буквально накануне смерти драматурга к нему обратился Л. Н. Толстой с просьбой разрешить издательству «Посредник» перепечатать некоторые пьесы драматурга в дешевом издании. В этом письме Толстой назвал Островского «несомненно общенародным в самом широком смысле писателем».

Впрочем, и сам Островский понимал свое истинное место в русской

литературе. Находясь в дружеских отношениях с Некрасовым и зная, что поэт тяжело болен, он писал ему: «Дорогой мой Николай Алексеевич, зачем Вы пугаете людей, любящих Вас! Как Вам умирать! С кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы наделали себе деревянных мужичков да и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты, они есть не просят. Чтоб узнать, кто больше любит русский народ, стоит только сравнить Ваш «Мороз» и последнюю книжку А. И. Кошелева»[1].

О том, что такая позиция **свыше** не одобрялась, свидетельствует и окончание этого письма, которое говорит о чрезвычайно трудном материальном положении драматурга в пору самого высокого расцвета: «Вы скажите Адлербергу, что я 20 лет работаю исключительно для театра, отказавшись от всего, т. е. от службы и прочего, что я написал более 30 пьес (целый народный театр), что я доставил дирекции своими пьесами более миллиона рублей, что я своим чтением и советами образовал многих артистов и всю Московскую труппу и что мне жить нечем, что прошу обеспеченного содержания, такого, какое получают второстепенные артисты, т. е. 6 000 рублей с двух театров (по 3 000 с театра). Теперь самое время, ждать мне нельзя, я на будущий год могу остаться почти без куска хлеба».

Писалось это в декабре 1869 года, а в ноябре еще в одном письме Некрасову было сказано: «...Пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пьес...»

Да, в эту пору нуждающийся и страждущий великий русский драматург уже создал **целый русский театр**, который стал новой эпохой для отечественного драматического театрального искусства. Уже прочно вошли в репертуар московского и петербургского театров пьесы «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Утро молодого человека», «Не так живи, как хочется», «В чужом пиру похмелье», «Праздничный сон — до обеда», «Доходное место», «Воспитанница», «Гроза», «Грех да беда на кого не живет», «Шутники», «Воевода», «На бойком месте», «Пучина», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце»... Начата пьеса «Бешеные деньги». Сделано несколько переводов. Известнейшие русские композиторы обратились к драматургии Островского... Нет, не в состоянии аффекта написаны слова о том, что им, драматургом Островским, создан «целый русский театр». Именно целый и именно русский театр, сказавший после гоголевского «Ревизора» не просто новое слово на театре, но и открывший всему миру новый драматический талант, в котором было все: и горячая любовь к своему народу, и желание исправить пороки общества и заметить хотя и робкие, но лучи света; понимание, что общество — народ — находится в прогрессивном развитии. И главное, чему Островский следовал всю свою жизнь,— верность правде жизни... «Мы теперь стараемся все наши идеалы и типы,— писал он А. Д. Мысовской,— взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших бытовых подробностей, а главное, мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, которым определяется самый тон роли».

Отвечая Некрасову, Островский пишет:

«Чтобы дать отрывок, мне нужно написать целую вещь, вот отчего я замедлил, кроме того, у меня очень много идет времени на обдумыванье и обделку. В последнее время я дошел до крайней нерешительности; обруганный со всех сторон за свою честную деятельность, я хочу быть прав хоть перед своей совестью; я не выпускаю нового произведения до тех пор, пока не уверюсь, что употребил на него все силы, какие у меня есть, а на н е т суда нет... Мысль этой пьесы: девушка работница, но работница русская».

Речь шла о пьесе «Трудовой хлеб», напечатанной в том же 1874 году в «Отечественных записках» и поставленной тогда же в Малом и Александринском театрах.

Хорошо известны прочные дружеские связи Островского с актерами этих двух театров, заложивших фундамент русской реалистической сцены. Как известно, любой театральный коллектив держится на репертуаре. Репертуар — лицо театра. Какие бы ни были найдены «глубины» и новые «ракурсы» режиссурой, если все это происходит на пустом месте, зритель или остается холоден, или в лучшем случае относится ко всем сценическим экспериментам с любопытством уличного зеваки. В пору Островского в смысле экспериментов было туго. Для этого у театральных коллективов просто не было времени. В письме к своему другу, актеру Александринского театра Ф. А. Бурдину, сетовавшему на недостатки в постановке пьесы «Светит, да не греет», Островский отвечал: «В повторение пьеса прошла гораздо лучше и имела успех, в третий раз пройдет еще лучше и будет иметь успеха еще больше. Такова участь почти всех моих (последних) пьес в Москве: сильных талантов нет, репетиций мало (4, много 5), и пьеса слаживается только к четвертому представлению».

Островский отлично знал театр, дружил со многими актерами, в частности, особенно долго с Провом Садовским. Многие пьесы были написаны им специально для бенефисов крупнейших актеров и актрис. Он хорошо чувствовал сильные стороны актерских дарований и широко пользовался ими, тщательно выписывая те или иные роли. Привыкнув к тому, что драматург покладист и всегда готов идти навстречу просьбам актеров, некоторые из них обращали эту покладистость во зло, пренебрегая общей художественностью спектаклей. У Островского это вызывало в одном случае раздражение, в другом — едкий сарказм. Отвечая тому же Бурдину, переславшему драматургу письмо М. Г. Савиной, где она писала, что роли Евлалии в «Невольницах» и Реневой в «Светит, да не греет» не подходят ей по возрасту, Островский писал:

«Роль Евлалии я писал именно для нее; я только ошибся на Д В А года. Евлалия вышла замуж 25 лет и замужем 3 года, значит, ей 28 лет, а сама же Савина пишет, что Е Й 26 лет. Я писал для матерей нынешних актрис, чуть ли не для бабушек; если бы мне писать свои роли год в год, число в число их возраста, то мне нужно было бы при моем кабинете иметь консисторию, где бы хранились их метрические свидетельства, чтобы уж не ошибаться не только в годах, но и в месяцах их возраста. Ведь это, друг, потеха! В первый раз в моей многолетней драматической практике подобная история! Я писал для Косицкой, Васильевой, Бороздиных, Колосовой, и разговору об разнице не только двух, но и 5—10 лет никогда не бывало. Что же мне делать? Пьеса еще не обнародована, я могу изменить лета, написать, что Евлалия шла замуж 23-х лет и замужем 3 года, значит, ровно 26 лет, или отложить пьесу на 2 года, когда и Марье Гавриловне будет 28 лет, значит в самую пору. Я и на то и на другое согласен».

Но это были не слишком больно ранящие Островского огорчения. От первой своей пьесы на всем своем пути Островский сталкивался то с запретами пьес, то с пренебрежительным отношением к его драматургии в угоду псевдоисторической или легкой, «французистой» пошловатой продукции.

«Моя вещь не пропущена, а бездна вещей, совершенно никуда не годных, пропускается Комитетом. Что же это значит? Но допустим, что моя вещь слаба (чего допустить никак нельзя), разве мои прежние труды, мои 14 пьес, не ограждают уже меня от строгого приговора! Из всего этого, при самом беспристрастном взгляде, можно вывести только одно заключение и именно явное недоброжелательство ко мне Комитета. За что бы, кажется?» (1861 год).

«...Всякий труд должен доставить хоть какое-нибудь утешение трудящемуся; труд драматический, не поставленный на сцену, есть труд потерянный, отказом в постановке моей пьесы я навсегда буду лишен возможности видеть одно из самых зрелых и дорогих моих произведений— плод пятнадцатилетней опытности и долговременного изучения источников» (1866 год). Из письма по поводу постановки пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

«Поверь, что я буду иметь гораздо более уважения, которое я заслужил и которого стою, если развяжусь с театром. Давши театру 25 оригинальных пьес, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали от какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мере я приобрету себе спокойствие и независимость вместо хлопот и незаслуженного унижения. Современных пьес я писать более не стану, я уж давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей — буду писать хроники, но не для сцены; на вопрос, отчего я не ставлю своих пьес, я буду отвечать, что они не удобны, я беру форму «Бориса Годунова». Таким образом, постепенно и незаметно я отстану от театра. Об этом моем твердом и непреклонном решении ты не говори никому, я и в Москве никому не объявлял. Театральное начальство может оскорбиться, считая мой поступок протестом (а я просто устал), некоторые любящие меня артисты могут огорчиться; а если будешь молчать, то пройдет год-другой, и дело уладится само собою, без разговоров» (1866 год).

«Петербургский театр так меня подрезал, что я не знаю, как свести концы с концами. Что у Жулевой не пойдет «Дмитрий Самозванец», я так и ожидал; и в Москве он должен бы идти тоже в бенефис; и отказали по той же причине: нет ни декораций, ни костюмов. Каково положение! Две столицы, и ни в одной из них нельзя поставить русскую историческую или патриотическую пьесу за недостатком костюмов и декораций!

В русских казенных театрах русских костюмов нет! Зато Аверкиеву для пьесы «Смерть Мессалины» разрешен расход в 4 000 руб. Пьеса пойдет не более 3—4 раз, а потом всю постановку брось. Хороша экономия!» (1879 год).

В Москве Островский стал испытывать притеснения от нового управляющего Московских императорских театров В. П. Бегичева. Сочинитель безыдейных водевилей, вроде «Жар-птицы» и «Китайской розы», переводчик и передельщик пошловатых французских пустячков, Бегичев до этого был начальником репертуарной части этих театров. Ему претила драматургия Островского, и он всячески препятствовал постановке его пьес на сцене Малого театра, заполняя репертуар изделиями таких драмоделов-ловкачей, как К. Тарновский, В. Крылов, и им подобных. Островский хотя и не складывал оружия, обращаясь в различные государственные инстанции, но все больше понимал, что государственные, императорские, как тогда они именовались, театры заполняются макулатурой, а художественный цвет Малого театра вынужден или его покидать, или превращаться в жалких марионеток, играющих пошлые роли.

Получив неутешительный ответ на свою записку по поводу создания частных театров как единственной возможности сохранения передового реалистического русского театра, драматург в одном из писем Ф. А. Бурдину пишет: «Цель моей Записки иная: это доказать необходимость частных театров и показать, какими они должны быть, чтобы русское драматическое искусство не глохло. Если я этого достигну, я буду счастлив, тогда можно спокойно доживать свои последние дни и на казенные театры махнуть рукой. От них, по видимости, хорошего ожидать нечего... При Бегичеве театр будет в распоряжении Тарновского и Крылова, а мне придется просить себе хоть маленький балаганчик на стороне».

В эти последние годы своей трудной жизни Островский, больной и нуждающийся, на собственном опыте познавший зыбкость материального существования драматических писателей, много времени и внимания уделял созданию такой организации, которая могла бы в трудный момент подать писателю руку помощи, удержать от полной нищеты... На создание организации ушло много энергии и сил, но в конце концов такая организация, хотя и очень малоспособная, все же была создана. Кроме этого, Островский, будучи к тому времени председателем Общества русских драматических писателей, неустанно обращался в государственные органы с просьбой утвердить новое положение об оплате авторского вознаграждения драматургов, которое, по оценке Островского, было ничтожно. Но и самое положение, несмотря на его относительную прогрессивность, лишь в самой малой мере могло помочь драматургам зрелого творческого возраста... Именно этим обстоятельством и было вызвано письмо Островского директору императорских театров Всеволожскому, для которого глубоко чуждой была русская реалистическая драматургия. «Не обманывая себя, я могу рассчитывать, если последняя болезнь не убьет меня окончательно, написать еще одну, много — две пьесы, да и то без надежды на прежний успех; значит, все мое материальное обеспечение зависит от пьес, написанных прежде...— писал Островский.— Я работаю

[1] По всей вероятности, речь шла о брошюре Кошелева «О князе В. Ф. Одоевском».

35 лет, написал более 50 оригинальных пьес, из которых ни одна еще не сошла с репертуара; более трети столетия в истории русской драматической литературы назовется моим именем; только одним императорским театрам, не считая частных, я доставил сборов более двух миллионов рублей; нет дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы,— и я остаюсь с тем, с чем начал, т. е. ни с чем, и впереди у меня одно: быть пенсионером Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и получать в виде милостыни по 300 р. в год».

И сейчас нельзя спокойно читать эти строки. «Более трети столетия назовется моим именем!..» Написаны слова эти за три с половиной года до смерти драматурга, трезво и без преувеличений оценившего свой колоссальный труд, положенный за десятилетия на создание великого русского театра... Слышать восторги зрителей, получать высочайшую оценку из уст Гоголя, Некрасова, Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Добролюбова... Узнать, что пьесы уже переводятся на французский язык, на латышский и армянский и ставятся на сценах этих театров... Быть почитаемым целыми поколениями корифеев русского театра — и идти к последней черте жизни с сознанием, что твоя драматургия держится власть имущими в клетке, заменяется по воле бегичевых и всеволожских всяческими суррогатами именно в ту пору, когда в России все больше пробивались лучи света в темном царстве!.. Это было трагическое противоречие, тяжко отражающееся на моральном и физическом состоянии драматурга. Недаром он приходил в ту пору к выводу, что чем хуже, тем лучше... Обращаясь к А. С. Суворину в связи с его статьей «Галерея портретов. Театральные чиновники, артисты и артистки», напечатанной в газете «Новое время», Островский горько писал:

«Мне жаль стало нашего Погожева, мы к нему начали применяться. Его нулевое значение, при настоящей театральной неурядице, даже полезно нашему театру. Теперь, когда в театральном управлении, с самой вершины вплоть до низу, царят неумелость полная, отсутствие сознания ответственности своего положения абсолютное; теперь тот и лучше, кто меньше делает вреда. А от нуля какой же вред? Бывает, конечно, что и нуль заносится, но, по отсутствию содержания в середине, он, при первом асаже́, сейчас же опять принимает свою круглую форму. Когда для драматического искусства наступает безвременье и безлюдье, отсутствие начальника по художественной части еще тем полезно, что оно заставляет талантливых артистов теснее сплотиться, это уже бывало в Московском театре. Солидное и блестящее прошлое, крепкие предания, сознание своей заслуженной привилегированности, величавость, которую сообщает театру прилагательное «императорский»,— все это заставляет сплоченную труппу идти прямой, хорошей дорогой без всякого проводника. Но вот беда, когда явится вместо нуля величина отрицательная, т. е. невежественный реформатор с мелкими страстишками самолюбия, зависти и пр., которые чирьями наболели и зудят, явится, окруженный толпою «папочек и мамочек», которые лгут и льстят, и, вместо того, чтобы строго служить искусству, все целуются гуртом и поодиночке; тогда уж изящный Аполлон и опрятные музы не могут оставаться в этом притоне амикошонства. Вот чего мы в Москве боимся. А впрочем, твори бог волю свою!»

Стараниями самого Островского и его друзей, понимавших, что положение в Малом театре стало уже абсолютно невозможным — театр катился вниз,— Островский был назначен 1 января 1886 года, за пять месяцев до смерти, на должность заведующего репертуарной частью Московских императорских театров. В письмах к А. Д. Мысовской он писал в ту пору: «После многолетних беспрестанных трудов и тревог я вправе был ожидать от судьбы отдыха, спокойствия, возможности вести безбурную, созерцательную жизнь и пользоваться плодами своей прежней деятельности, но обстоятельства сложились так, что я сам вместо желанного отдыха с не погасшею еще во мне, к моему несчастию, страстностью вновь беру на свои усталые плечи тяжелую, непосильную ношу. Происходит вот что: некогда знаменитый Московский театр в последнее время, видимо, клонится к упадку. Возрождение его стало желанием публики и авторов... Отказываться, по себялюбивым соображениям, от лестного выбора и назначения — не в моем характере; ввиду общего дела, общей пользы я никогда не умел беречь себя».

Это было написано 5 декабря 1885 года, а уже 10 января 1886 года Островский писал: «...Именно в то время, когда я достиг цели стремлений всей моей жизни и когда тут же, с ужасом, ощутил, что взятая мною на себя задача мне уж не по силам. Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уж зубов не стало... Я чувствую, что у меня не хватает сил и твердости провести в дело, на пользу родного искусства, те заветные убеждения, которыми я жил, которые составляют мою душу. Это положение глубоко трагическое».

В конце мая того же года, после тяжелейшего приступа грудной жабы, Островский выехал в свою усадьбу, в Щелыково, где буквально на другой же день начал ранее прерванную работу над переводом «Антония и Клеопатры» Шекспира. Но закончить ее не было суждено. От нового припадка грудной жабы Александр Николаевич Островский скончался в своей рабочей комнате...

* * *

Безвестный автор в день двадцатилетия драматургической деятельности Островского написал стихи:

Пройдут года — дойдет от дедов
Ко внукам труд почтенный твой,
И Пушкин, Гоголь, Грибоедов
С тобой венец разделят свой...

Эти прозорливые безыскусственные строки хорошо звучат и сегодня, более чем через сто лет после того, как были написаны.

Имя Александра Николаевича Островского, его бессмертная драматургия продолжают жить в советском и зарубежном театре. Его пьесы, его герои продолжают волновать и радовать миллионы зрителей, которые сейчас благодаря кино, радио и телевидению имеют возможность в самых далеких уголках слышать и видеть все, что создано славой русского драматургического искусства — великим Островским.

Можно только пожалеть, что иногда современные драматурги и режиссеры пренебрегают и художественным наследием Островского и его вечными уроками театрального искусства: верности народным образам, народной речи,— заменяя порой и то и другое вымученными характерами и тощим телеграфным языком, сводя бесконечно счеты с прошлым и не замечая настоящего и будущего... Но это — дело преходящее. Бывало это и при Островском, бывало и после него. А сейчас и москвичи и тысячи людей всех национальностей, кто желает побывать под сводами Малого театра и приобщиться к великому русскому драматическому искусству, с почтением останавливаются возле памятника солнцу **целого русского театра...**

Памятник А. Н. Островскому в Москве работы скульптора Н. А. Андреева.

Кажется, что Островский словно бы чувствует то, что происходит за прочными стенами, на той самой сцене, которая вместе с ним, его гигантскими усилиями создала этот театр, который уже и сам в 1974 году будет праздновать свой 150-летний юбилей — самый значительный юбилей отечественной театральной культуры... Кажется, что Островский смотрит из-под тяжело нависших каменных бровей на племя младое, незнакомое, бурно текущее мимо него, только изредка тревожась, чтобы в **его** театр, на **его** сцену не проникли современные тарновские и крыловы, как в те далекие времена, так и сейчас своими изделиями бросающие тень на великое русское драматическое искусство...

Идут годы, а он — как страж, как Заведующий репертуаром **всех** наших театров,— погружен в глубокое раздумье возле **своего** театра, который мы уже давно привыкли называть про себя **его** именем.

Именем великого русского драматурга Александра Николаевича Островского.

Л. Косицкая. 1860-е годы.

ПРООБРАЗ КАТЕРИНЫ ИЗ «ГРОЗЫ»

Е. МЯСНИКОВА

А. Н. Островский. Фотография 1850-х годов с дарственной надписью другу А. С. Кошеверову.

Едва ли на всем протяжении истории русского театра можно найти второй пример столь удивительного творческого содружества между драматургом и актрисой, как содружество Островского с Любовью Павловной Косицкой.

В бенефис Косицкой 14 января 1853 года впервые на русской сцене появилась пьеса Островского «Не в свои сани не садись», где Косицкая играла Авдотью Максимовну.

Вершиной ее творческих достижений было создание образа Катерины в «Грозе». Драматург и актриса дали русскому зрителю непревзойденный по глубине и поэтичности образ русской женщины.

Важно и другое. Сам жизненный путь Косицкой, ее личность и ее рассказы дали Островскому прекрасный материал для создания образа Катерины.

Детство и юность Косицкой прошли на берегах Волги; до девяти лет она была крепостной; выкуп семьи на волю повлек за собой материальную нужду и непосильный труд. Домостроевские порядки, тяжелый семейный гнет — все это испытала юная Косицкая...

Сопоставим некоторые моменты из жизни Катерины, рожденной фантазией художника, и актрисы Косицкой. Поражает сходство этих богато одаренных, вольнолюбивых натур.

И Катерина и Косицкая — обе горды и самолюбивы. Вспоминая о детстве, Косицкая пишет, что если уж ее кто обидит, бывало, то она «удалялась мечтать на берег Волги. Там меня находили не один раз уснувшей с опухшими от слез глазами».

А Катерина, рассказывая Варваре, какая она «зародилась горячая», поясняет: «Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!» Они обе смелые, с сильной волей, умеют постоять за себя. Однажды, когда Косицкую дома незаслуженно попрекнули куском, она «пошла да и нанялась в горничные». Катерина гордо и смело говорит свекрови в ответ на несправедливые упреки: «Напраслину-то терпеть кому ж приятно!»

В ответ на вопрос Варвары, что сделает Катерина, если ей «не стерпится», та отвечает: «Что мне только захочется, то и сделаю... А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!» Точно так же разговаривала Косицкая с домашними, не разрешавшими ей поступать в театр.

«Откуда взялась у меня смелость и сила, не знаю, а сказала им всем, что если вы не исполните моего желания, то я могу исполнить свое... я не пожалею себя — Волга велика, и для меня найдется в ней место, но мне не жить с вами, не ваша я теперь»... Девушками были они жизнерадостными, веселыми, задорными. «Какая я была резвая!» — вспоминает Катерина. И Косицкая пишет, что она была «большая шалунья и хохотуша», «пела, прыгала, плясала...». Слишком рано у них оборвалось детство. Варвара, стараясь объяснить тревожное состояние Катерины, говорит ей: «Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось еще». И Косицкая пишет о себе: «Юности у меня не было положительно! Было детство, то есть младенчество, а потом младенчество сменилось жизнью (...) слишком серьезной для моих лет...»

И Катерина и Косицкая были хороши собой, привлекали внимание мужчин, но сердца их долго молчали. В период перехода из Нижегородского театра в Ярославский Косицкая пишет: «...Тут начались ухаживания, преследования, но я еще все-таки была ребенок, не понимала ничего, только смеялась...»

Варвара спрашивает Катерину:

— Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Но вот и у них просыпается чувство любви: «...Слышу, кто-то плачет подле меня... и так горячо целует руки мои, а слезы так и капают»,— вспоминает Косицкая один из самых волнующих эпизодов своей юности. Под пером Островского это воспоминание артистки превратилось в рассказ Катерины о тревожащих ее ночных грезах: «Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...»

И почти одинаково кончилась их любовь. Когда из «Грозы» мы узнаем, что Дикой на три года ссылает в Сибирь Бориса—виновника скандала в Калинове, невольно вспоминаем рассказ Косицкой о первом пробуждении чувств в ее сердце и о том, как «покончилась» ее «любовь к этому человеку»: «На первой неделе поста он уехал в Сибирь, отец его послал туда по делам. Не расцвело мое первое, любовью бывшееся чувство — да так и завяло».

Вот так буквально поражают многочисленные совпадения в тексте — фактические, психологические и стилистические.

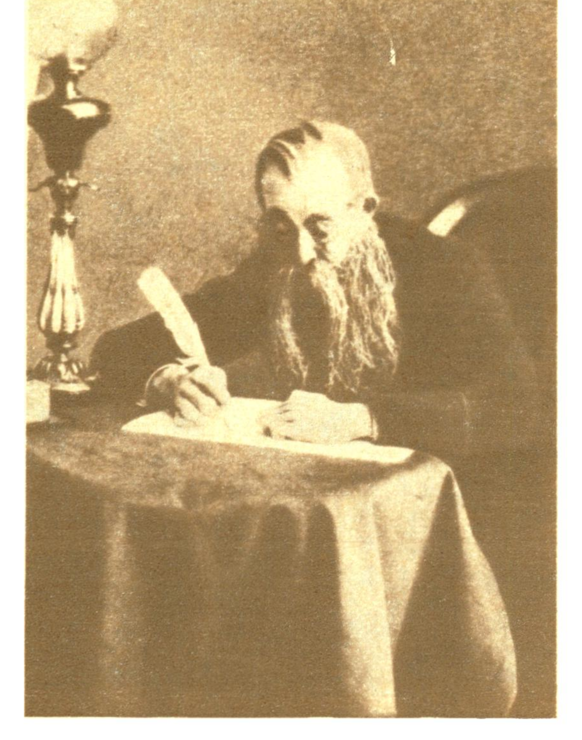
Н. В. Берг, уделивший значительное место в своих «Московских воспоминаниях» Косицкой, утверждал, что она была особенно хороша в роли Катерины и что эта роль создавалась Островским «как бы для нее».

«Волки и овцы». В. Рыжова в роли Анфусы, И. Ильинский в роли Мурзавецкого. Кадр из фильма. 1944 год.

«Лес». П. Садовский-внук в роли Несчастливцева. Малый театр. 1936 год.

«На всякого мудреца довольно простоты». К. Станиславский в роли Крутицкого. 1910 год.

ПЬЕСЫ ЖИЗНИ

ОСТРОВСКИЙ ЗА РУБЕЖОМ

А. ШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

До появления Ибсена западноевропейская реалистическая драматургия XIX века не выдвигала ни одной крупной фигуры. «Буржуазия, менее либеральная, чем Людовик XIV, дрожит в ожидании своей «Женитьбы Фигаро», запрещает играть «Тартюфа» и, конечно, не разрешила бы теперь ставить «Тюркаре», ибо Тюркаре стал властелином»,— писал Бальзак.

«Хорошо составленной пьесе» Скриба, которой славилась французская драматургия XIX века, и противостоит — как в жизни, так и в литературе — мощное своеобразие драматургии Островского.

В 1923 году вышла книга Мориса Беринга «Вехи русской литературы». Беринг, англичанин, бывавший в России, утверждает, что «русская драма, подобно русскому роману, всегда исполняла одно дело: описывала жизнь так, как она ее видела»...

Глубокое понимание русской драмы находим и в работе Доротти Каучер «Современная драматическая структура». Автор убедительно развивает мысль о ценности «вклада русских» в драматургию, где наиболее важным является обрисовка характеров и общественных условий того времени. Раскрываются они через диалог, и на это направлены усилия Островского.

Русская драма, и прежде всего Островский, как один из ее корифеев, исходила из задач отражения жизни, а не из канонических книжных форм. Островскому важно обрисовать условия существования людей, и его умение добиваться этого не проходит мимо зарубежного литературоведения. В начале XX века видный чешский критик Водак писал: «Русский драматург обладает неподражаемой способностью показывать зависимость бытия индивида от общественного целого».

Однако главное своеобразие драматической техники Островского заключается в том, что он достигал этой широкой эпической обрисовки связи индивида с общественными условиями, сохраняя свой особый драматический, действенный элемент. В этом смысле интересную и оригинальную характеристику драматической техники Островского дает итальянский исследователь Сильвио д'Амико. В своей «Истории драматического театра» он пишет, что техника Островского глубочайшим образом отлична «от классических западноевропейских формул и от точной механики французов XIX века».

Жизнь выступает у Островского в абсолютно правдивой форме благодаря тому, что он отходит от условных приемов. Но важно и другое. Говоря о построении пьесы, Сильвио д'Амико справедливо отмечает важную роль диалогов, не всегда тесно связанных с интригой. Через эти диалоги, иногда более напряженные, иногда словно «опадающие», и раскрывается **движение жизни**, составляющее истинную основу пьесы. Действенное же ее начало всегда неразрывно связано с многосторонним и все более широким раскрытием социального и психологического облика персонажей... По-своему Сильвио д'Амико выражает здесь то, что уже давно было обозначено Добролюбовым в его выразительнейшем термине «пьесы жизни»...

Западноевропейские критики стремились также указать и причины, объясняющие, почему Островский смог создать произведения, стоящие на столь высоком уровне и являющие собой образец художественного совершенства. Мы имеем в виду прежде всего статью французского критика Жюля Леметра, который в своих «Этюдах о русских писателях» высказал ряд тонких замечаний о «Грозе» Островского и «Власти тьмы» Толстого.

«Оригинальность русских драм и привлекательность их,— писал Жюль Леметр,— объясняется тем, что психологические состояния... раскрываются перед нами не бедными клерками, столь же наивными, как их современники, а писателями, обладающими утонченным вкусом и блестящими талантами наблюдателей».

Изображение старой жизни дано художниками, стоящими на уровне величайших достижений современного реализма. И это необычное сочетание старого и нового становится источником неповторимой оригинальности «Грозы». Жюль Леметр объясняет и то, почему Островский смог изобразить эту жизнь в столь острой драматической форме. Люди, представленные в «Грозе», еще не обезличены буржуазной эпохой: они сохранили силу чувства, непосредственность и откровенность, которых лишает человека буржуазная цивилизация. «...Все эти люди... отличаются глубиной, силой чувства, непосредственностью и откровенностью речи, каких больше не встретить у цивилизованных народов Запада».

Высокий художественный уровень пьес Островского воспринимался западными критиками по контрасту с тем упадком драмы, который переживала Западная Европа во второй половине XIX века. В 1898 году критик Эдвард Гарнет, суммируя впечатления от «Грозы», писал в своем предисловии к первому английскому изданию: «Тщательное знакомство с «Грозой» вознаградит тех, кто считает, что состояние современного английского театра плачевно, что он лишен подлинного искусства, жизненной правды и национальной значительности. В пьесе нет ничего лишнего. Все драматично, естественно, просто, глубоко. Здесь нет фальши, фарсовых ситуаций, сенсационных

«Бесприданница». В. Комиссаржевская в роли Ларисы. 1896 год.

эффектов, ничего пустого и ложно блестящего. Но вдумчивый критик найдет здесь развитой анализ народных характеров, читатель найдет увлекательный материал для чтения».

Как видим, европейские критики говорили много верного о манере и стиле Островского.

Первое представление пьесы Островского во Франции — постановка «Грозы» — состоялось 3 марта 1889 года.

Французский театр обращался к пьесам Островского и позднее. Укажем на совсем недавний спектакль: постановку «Леса» на сцене театра «Ателье», осуществленную в 1970 году переводчиком и режиссером Анри Барсаком, одним из лучших знатоков русской литературы во Франции.

В США, где в течение всего XIX века не было ни большой драматической литературы, ни подлинно художественного театра, постановки пьес Островского были осуществлены уже в XX веке; они игрались так называемыми «малыми театрами», аналогичными «свободным», «независимым» театрам Европы...

В Англии Островского тоже ставили экспериментальные новаторские коллективы, далекие от коммерции: театр гильдия «Эвримен», любители из Ноттингема, левый театр «Юнити» в Кардиффе. Значительным спектаклем Островского стала постановка «Грозы» в национальном театре Великобритании в 1966 году, а наибольший успех имела в Англии комедия «На всякого мудреца довольно простоты», поставленная в нескольких театрах под названием «Дневник подлеца» и даже превращенная в мюзикл: «Карточный дом»... Комедия Островского беспощадно осмеивает тупых консерваторов и пустопорожних либералов, и эта злая насмешка русского драматурга вполне отвечает английской общественной ситуации...

Основные пьесы Островского сейчас известны в Западной Европе. Итальянское телевидение только за последние годы показало четыре пьесы. Но все же гораздо лучше знают Островского в славянских странах Восточной Европы: здесь Островский вошел в национальную культуру плотно, оригинально, глубоко... Известную роль, конечно, сыграли в этом и близость языков и общая принадлежность к славянской семье. Главная же причина заключается в том, что страны эти прошли аналогичный путь преобразования и строительства своей национальной культуры. Отсюда — огромная роль России, демократической русской культуры, в том числе и Островского.

Говоря о создании чешского национального театра, о формировании театральной культуры, выдающиеся чешские демократические деятели, патриоты Эмануэл Вавра, Ян Неруда, Иозеф Фрич очень высоко оценивают пьесы Островского. Великий писатель чешского народа Ян Неруда писал: «Русские жанры являются сейчас самыми передовыми во всей мировой литературе, безразлично, именуем ли мы их «романом», «новеллой» или, как у Островского, «драмой».

Широко использовали чешские писатели опыт русской драмы. Исследователи отмечают глубокое влияние Островского на пьесы чешских драматургов. Героиню пьесы Прейсовой «Платье крестьянки» Еву прямо называют родной сестрой Катерины... Стоит также указать на оперу композитора Яначека «Катя Кабанова», написанную в 1921 году; в основу либретто положен перевод «Грозы».

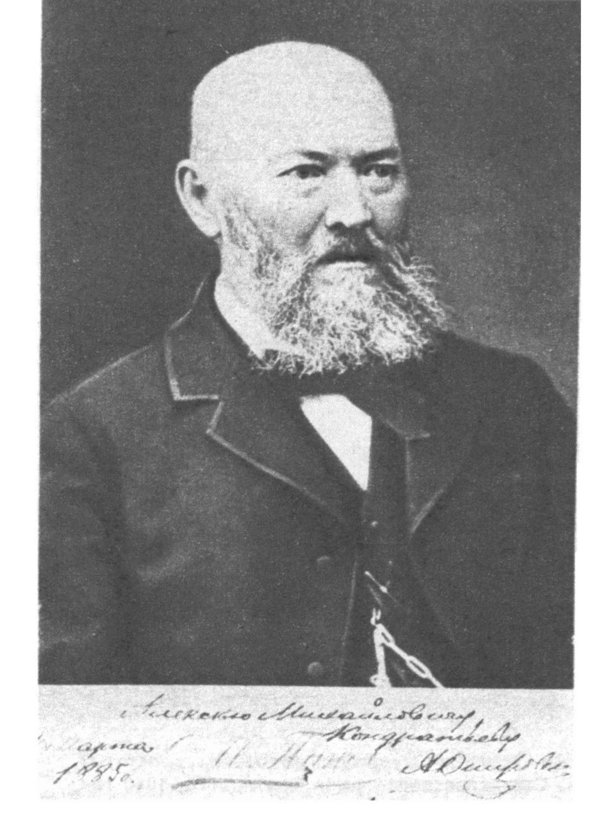
Если в Англии наиболее популярной пьесой стала «На всякого мудреца довольно простоты», то в Чехии, Болгарии, Польше наибольший успех выпал на долю «Доходного места». Еще более прочное место занял Островский в Болгарии, стране великой древней культуры, которая в XIX веке вела напряженную борьбу за свою независимость.

Возникновение национального театра происходит здесь только в конце XIX века. К этому времени могучая русская культура оказывала самое решительное влияние на культуру болгарскую.

В репертуаре болгарского театра «Слезы и смех» основное место в период с 1893 по 1903 год занимает русская классическая драматургия,— и прежде всего Островский. На сцене театра идут «Доходное место», «Бедность не порок», «Бесприданница», «Бешеные деньги», «Гроза», «Женитьба Бальзаминова», «Василиса Мелентьева», «Без вины виноватые», «Волки и овцы»... Особый успех в то время имеет «Доходное место»; в речах Жадова звучат гнев и вызов, возмущение социальной несправедливостью, столь близкие демократическим настроениям болгар.

Островский прочно и уже навсегда вошел в культуру всех славянских народов, когда они стали на путь строительства социализма.

Друзья Советского Союза, представители демократических общественных сил во всех странах мира выступают сегодня страстными пропагандистами замечательного творчества Островского.

А. Н. Островский. Фотография 1885 года с дарственной надписью А. М. Кондратьеву.

Швеция. Городской театр в г. Мальме. «Бесприданница»: Паратов — М. фон Зюдов, Робинзон — А. Фридель.

«Последняя жертва». Д. Зеркалова в роли Тугиной, И. Залесский в роли Прибыткова. ЦТСА. 1935 год.

К 150-летию со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского редакция «Литературного наследства» (изд. Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР) подготовила большой том (в двух книгах) «А. Н. Островский. Новые материалы и исследования».

В обширном разделе «Неизданная переписка Островского» впервые публикуются 219 писем драматурга к жене М. В. Островской, а также недавно выявленные письма к литераторам, имеющие биографическое и историко-литературное значение.

В обращениях к драматургу актеров столичных и провинциальных театров, начинающих писателей, композиторов многогранно представлена личность писателя, его окружение, его могучее влияние на развитие русского театра.

Анализу прижизненных постановок пьес Островского, его творческому содружеству с крупнейшими актерами, огромной работе драматурга в области художественного руководства театрами посвящен специальный раздел тома «Театр Островского».

Том завершается большим разделом «Островский за рубежом», в котором впервые собран и обобщен обширный материал о переводах и постановках пьес великого русского драматурга в Англии, Германии, Франции, Италии, США, Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии, в странах Востока, о влиянии Островского на мировую театральную культуру.

Две книги нового тома «Литературного наследства», выпускаемые издательством «Наука», вводят в научную литературу об Островском множество ранее неизвестных документов, существенно расширяющих наши знания о великом драматурге.

В создании тома принял участие А. Л. Штейн, автор исследований об Островском. Большую помощь в подготовке тома редакции оказали сотрудники Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина и Института русской литературы Академии наук СССР.

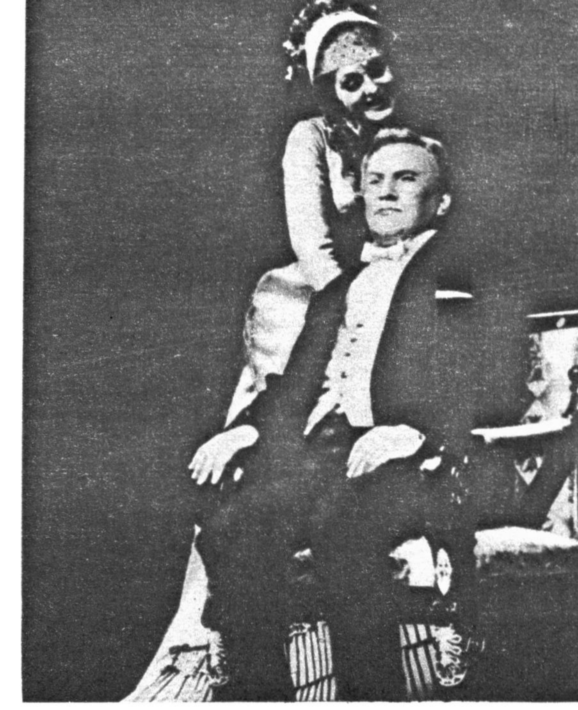
Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

В настоящем номере публикуются некоторые материалы тома «Литературного наследства», посвященного А. Н. Островскому.

«Шутники». Центральный детский театр. 1973 год.

«Последняя жертва» в Московском театре имени Н. В. Гоголя. С. Брагарник в роли Юлии Павловны, Б. Чирков в роли Флора Федулыча. 1972 год.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С БРАТОМ

Младший брат Островского Михаил Николаевич, крупный чиновник, был литературно образованным человеком, горячо принимал к сердцу заботы Александра Николаевича и деятельно помогал ему.

До нас дошло сравнительно немного писем самого драматурга к брату. Где находятся и сохранились ли вообще письма А. Н. к М. Н., до сих пор остается загадкой...

В письмах Михаила Николаевича обсуждаются проблемы литературы и искусства, идет речь о пьесах самого драматурга. Из писем брата можно узнать некоторые мнения самого А. Н. Островского.

Мы впервые публикуем выдержки из этих писем.

С. Петербург. 1854 г.

Новое издание Пушкина, предпринятое Анненковым, скоро поступит в печать: скольким мытарствам подвергался бедный Пушкин в когтях нашей цензуры, как его урезывали немилосердно,— Анненков протестовал, подавал докладные записки Министру, происходили разные истории, и, наконец, благодаря сильной протекции, Анненков в большей части случаев восторжествовал. На днях пойдет все это на утверждение Государя и затем начнет печататься.— Здесь, между прочим, случались различные обстоятельства, которые характеризуют нашу цензуру, так, например, когда Анненков подал докладную записку, где очень умеренно защищался против нападения цензора, то цензор (Фрейганг) обиделся, и один из товарищей его, цензор Бекетов, с которым я очень коротко знаком, серьезно рассказывал мне, что они рассуждали в Цензурном Комитете: не посадить ли Анненкова за это в крепость?

Когда же я спросил: какое право они имеют сажать кого-либо в крепость и какая вина Анненкова?— то он очень важно отвечал, что **цензор есть правительство** и потому обидеть Цензора значит обидеть правительство. Вот уж до чего дошло! Кажется, дальше идти некуда!

С. Петербург
13 октября 1855 г.

В бенефис Бурдина давали твою пьесу «Сцены семейного счастья», которая была разыграна довольно удовлетворительно и понравилась публике...

По моему мнению, при разыгрывании этой пьесы на театре следует вовсе выбросить последний выход женщин, который, измененный цензурой, не производит никакого эффекта и только ослабляет действие на публику последнего монолога Ант. Антипыча, по уходе Ширялова.

С. Петербург
8 сентября 1856 г.

Вчера, любезный Саша, встретил я Ив. Ив. Панаева, который просил меня передать тебе, что он написал тебе два раза в Калязин (вероятно, по твоем отъезде), но не получил от тебя ответа, и что он с нетерпением ждет обещанной тобою для «Современника» статьи, так как он рассчитывает на нее для октябрьской книжки, в которой ему, кроме нее, поместить нечего...

При нынешней книжке «Современника» редакция разослала в губернии объявления о том, что ты и К° принимаете исключительное участие в «Современнике» и нигде, кроме его, помещать своих статей не будешь...

С. Петербург
8 марта 1857 г.

Здесь много говорят о твоей новой комедии «Доходное место». Вероятно, ты выговорил у редакции «Русской Беседы» право на несколько отдельных оттисков: пришли, пожалуйста, мне 2—3 экземпляра, когда сам получишь... Говорят здесь также, что Кокорев учреждает 2 премии — по 3 000 р. каждая за лучшую комедию из современной жизни и лучшую драму из древнего русского быта. Конечно, обе премии твое прямое достояние. Что твоя драма «Минин»? Подвигается ли?

С. Петербург
8 января 1858 г.

Слышал я давно уже, любезный Саша, о твоей неудаче с комедией «Доходное место» и очень погоревал об этом, равно как и все тебя знающие. Я просил кое-кого из знакомых с Тимашевым похлопотать об этом деле, но в настоящее время едва ли можно надеяться на успех: надо подождать немного, потому что теперь вследствие разных толков и слухов Цензурный Комитет получил предписание... быть строже, чем когда-либо... А со временем, бог милостив, все утрясется и пойдет попрежнему... Как тебе не стыдно хандрить и думать о смерти. Надо развеселиться как-нибудь. С наступлением весны я думаю поездить по России: не хочешь ли ты со мной? Я был бы очень рад, когда бы это было можно!

С. Петербург
10 марта 1872 г.

Милый Саша! Ты получил уже приглашение из Собрания Художников приехать на свой юбилей? Не знаю — как ты поступишь, но, по моему мнению, приехать тебе **совершенно необходимо.** Подобные случаи редко повторяются, сочувствие к твоему празднику огромное, но если тебя не будет, все расстроится...

Любящий тебя брат
М. Островский

С. Петербург
18 марта 1872 г.

Твой праздник здесь прошел довольно оживленно, но не очень [1], что и надо было ожидать при твоем отсутствии. Были на нем, между прочим, Некрасов, Салтыков, Унковский, Филиппов, Кидошенков. К сожалению, главнейшими распорядителями были никому неизвестный Аристов и известный не за серьезного деятеля Н. Потехин, которые за своею подписью и рассылали приглашения... Почему же во главе этого дела не стал ни один из известных художников или артистов? Многие, зная, что ты не приедешь, не поехали именно потому, что не хотели быть гостями Аристова и Потехина.

С большим удовольствием прочел я описание праздника, данного тебе в Москве, и твою прекрасную речь, сказанную за обедом.

[1] 15 марта 1872 года собрание художников в Петербурге устроило в честь Островского обед, на котором было собрано свыше 1 000 рублей на школу имени Островского в Щелыкове.

ОТ МИРА СЕГО

Н. БЫКОВ

Фото Михаила САВИНА.

Лесная костромская сторона... От левобережья Волги все дальше и дальше на север уходят оснеженные леса. Зимою ехать не худо, а грянет весна — край затопит холодная вода, и тогда уж, будь ты конный или пеший, дороги не одолеть — одному трактору везде ход... Но пока дорога стояла; сквозь снег рдели рябиновые рубины; сороки, взлетая, сбивали снег с шатровых елей и кустов орешника... Запомнились мешковатые глухари на тонких ста́явших березках, непривычные глазу, словно доисторические, птицы эти теперь чаще встречаются на картинках... Водитель неожиданно предложил: «Заедем к Островскому».

К Островскому — значит в Щелыково. Там музей-усадьба. Так вот какие это места. Здесь жил, творил, умер великий Островский... По-иному глянулись те же леса, колоннады вековых елей и сосен, как могучие трубы заиндевелого органа... А где-то рядом до краев заполнена снегом Ярилина долина, стародавнее место весенних хороводов. Но снег не вечен, еще и еще раз возвратится Ярило, бог наивных и чистых в помыслах берендеев. Снегурочка снова растает, но из памяти обитателей Берендеева царства она не уйдет никогда...

Дорога пошла по-над рекой. Вот и дом Островского... Сколько раз вот так же, будучи в Пскове, заезжал к Пушкину, а из Орла — в Спасское-Лутовиново к Тургеневу, а в Тарусе — к Паустовскому... Теперь вот случилось заехать к Александру Николаевичу Островскому. Великие вечно живы в нашей общей памяти.

Как и московское Замоскворечье, костромская земля навсегда связана с именем Островского. Это его мир. Здесь он слушал жизнь, внимал своему гению, служил необычайно честно своему призванию — передать, выразить действительное, то есть все, что окружало и окружает художника с младенческих лет до гробовой доски. Все, что видел и слышал, когда писцом посещал Совестный суд, когда ездил по Волге, когда переезжал с семьей в Щелыково, пробирался этой самой дорогой, этим самым темным еловым туннелем...

Щелыково купил отец. Сын костромского священника, отец драматурга был человеком весьма начитанным, имел отличную библиотеку, отказался от духовного поприща и служил по гражданской. Не уставая добивался дворянства. И добился.

Когда он купил Щелыковскую усадьбу, Александру Николаевичу было уже двадцать четыре года. В 1848 году сын приехал сюда на перекладных впервые, а позже уж не было, наверное, года, чтобы Островский не пожил здесь несколько летних и осенних месяцев... В Щелыкове умер отец Александра Николаевича, здесь же умер и он сам.

Священная земля священных могил...

Вот почему и леса, и кручи над Волгой, и Волга, и окрестные деревни — все тут дорого нам! Посетителям музея обычно объясняют: «Вот любимая беседка писателя... Вот обрыв, с которого он смотрел далеко за реку... Вот любимая тропинка прогулок...» Все так, все сберегают усилия благородных потомков. Действительно, здесь написаны «Лес» и «Гроза». Действительно, где-то в лесной глухомани стоит дом, где могли разворачиваться события, подобные тем, что в пьесе «На бойком месте»... Может, чтобы творить, надо быть, как говорится, не от мира сего, надо родиться одержимым?.. Одержимым — да, но только быть-то надо именно о т м и р а с е г о. Непременно. Иначе земле предашь природой отпущенный дар — умение творить шедевры из подножной глины... Островский был от мира сего!..

Часы пробили в столовой. И снова тихо. Музейная тишина. Безработный стол в кабинете драматурга поражает массивностью. Сколько он выдержал, какой накал страстей, какие бессонные ночи...

Оплыли в подсвечнике свечи... Так же тихо было и сто лет назад, когда писалось Островскому, то мучительно, то сладко и быстро... А за стенами этого дома поедом ели друг друга нелюди темного царства: дикие, кабанихи и иже с ними.

Кабаниха из «Грозы» в толк взять не могла, что же будет, когда рухнет домострой... «Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю». Обычный рефрен самодурства и самодержавия всех масштабов.

Нет, он не был бытописателем, хозяин этого дома! А ведь иногда его выдавали только за гурмана купеческого быта и обывательского языка, да еще за сладкогласого певца Берендеева царства... А. Н. Островский, как всякий Художник с большой буквы, настолько многогранен, настолько многослоен, что его в рамочки не утиснешь! Он ведь и в Щелыково однажды приехал не только безмерно счастливый оттого, что его пьесу слышал сам Гоголь, не только окрыленный его признанием, но уже и готовый к бою, готовый постоять за право быть талантливым и зрячим, за право писать, писать, писать, несмотря на полицейский надзор...

Мне кажется, он и сказкой своей, пленительной «Снегурочкой», хотел всем показать, что нет кровного родства между язычниками-берендеями и обитателями темного царства, разучившимися верить в солнце, в силу весны... Со времен Пушкина русские писатели научились сказкой давать намек — добрым молодцам урок.

Урок «Снегурочки» наивен, но душу очищает! Александру Островскому было 20 лет, а уж он писал, что от великого до смешного один шаг,— речь при этом шла о квартальном, символе империи Палкина, главного меж палкиных помельче. Да, он умел и смеяться, умел и содрогнуться от нравственного убожества окружающих. Дворяне, в число коих так стремился попасть отец, человек самых благородных идеалов, явно деградировали — это сыну было очевидно; а социально-культурный вакуум стремительно заполняло махровое и жестокое поколение стяжателей, приспособленцев, невежд. Как тут не вспомнить Радищева — чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лая... Имя ему, этому чудищу, порожденному прогнившей империей Николая I, — социальный кастрат, одержимый самоедством. Так вот обо всем этом думал и писал Островский. И он не убоялся все это страшное в ы с т а в л я т ь на театре, как говорили щелыковские мужики, страсть как любившие семейные спектакли в доме у Островских.

Почему же люди вот уже больше ста лет нуждаются в театре Островского? Об этом думаешь и в Щелыкове и в Костроме... Ответ, быть может, заключен в строках А. И. Герцена:

«И однако, как низко ни пал этот мир, что-то говорит нам, что для него есть еще спасенье, что оно таится в глубине его души, и это что-то, это ignotum (неизвестное), чувствуется в «Грозе».

Гроза, только теперь уже без кавычек, одна лишь гроза снимает тяжкую тяжесть с души русского общества. На это надеялся и сам драматург.

«Поблагодарим же художника за то, что он, при свете своих ярких изображений, дал нам хоть осмотреться в этом темном царстве». Сказать лучше, чем сказал Н. А. Добролюбов, нельзя. Повторим и мы: поблагодарим художника за то, что он и посегодня не дает ослабнуть исторической памяти народа, не дает уснуть его национальной совести. Насколько безнравственно показанное им безобразие, настолько же высок его нравственный подвиг.

С этим чувством отходишь все дальше лесной дорогой от кладбища, что в Никола-Бережках, где находится могила великого Островского.

Здесь жил, творил, здесь умер великий Островский... Теперь усадьба в Щелыкове — заповедный уголок Костромской области, всей России.

Пробили часы, и снова в столовой музейная тишина...

Борис Павлович Сергеев, директор музея-усадьбы, и старший научный сотрудник Валентина Ивановна Шанина.

На развороте вкладки:

За этим столом работал Александр Николаевич... Актриса Костромского театра имени А. Н. Островского Жанна Сиротина—еще одна Негина...

ПОМОГАЯ МОЛОДЫМ

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Многие выдающиеся русские писатели часто от всего сердца и самым действенным образом помогали молодым собратьям по перу.

Вспоминая о том, какую огромную пользу принесло ему общение с Пушкиным, Гоголь писал после гибели поэта: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы... Нынешний труд мой, внушенный им [«Мертвые души».— **И. З.**], его создание». А десять лет спустя, в 1847 году, Гоголь счел необходимым сказать в статье: «Пушкин... отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.)»

Тургенев с такой охотой и радушием покровительствовал каждому молодому литератору, обращавшемуся к нему за помощью, что поэт Н. Ф. Щербина в сатирическом «Соннике современной русской литературы» утверждал: «Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность откопать талант там, где его вовсе нет».

А сколько заботы проявлял Чехов по отношению к тем начинающим писателям, которые считали возможным утруждать его бесчисленными просьбами!

Неисчислимы факты помощи, оказанной Горьким романистам и новеллистам, очеркистам и журналистам всех возрастов...

Работа с молодыми литераторами требует от большого писателя не только времени, но и творческих сил, которые могли бы быть отданы собственным произведениям. Это всегда жертва, самоотречение во имя новых талантов, во имя обогащения русской литературы.

На всю жизнь оставались благодарными А. Н. Островскому те молодые, хотя бы в небольшой степени одаренные писатели, которые просили ознакомиться с их работами. Правда, временами бывало и так, что Островский признавался своим друзьям: «Приносят такое, что читать невозможно, станешь читать, вначале еще что и похоже на что-нибудь, а затем и пошло: и дьяволы, и гром, и бенгальские огни, только говорящей собаки нет,— да все это нагорожено так, что и не разберешься, в чем суть пьесы, а то читаешь, читаешь, а в конце вопрос автора, что сделать с героем, женить его или заставить повеситься».

Но Островский не жалел времени, когда примечал искру таланта в присланном произведении. Существует авторская исповедь Островского, написанная им менее чем за два года до кончины. В ней о молодых драматургах сказаны идущие от всего сердца слова, которые нельзя читать без волнения! А главное, у Островского были все основания именно так утверждать:

«У начинающих писателей только один и есть защитник — это я: я, как только стал на ноги, так и начал другим помогать. Я никогда никому не завидовал; при появлении нового таланта я всегда радовался и говорил: «Слава богу, нашего полку прибыло». Что я сделал для русской драматической литературы,— это оценится впоследствии. До сих пор у меня на столе меньше пяти чужих пьес никогда не бывает. Если в сотне глупых и пустых актов я найду хоть одно явление, талантливо написанное,— я уж и рад и утешен, я сейчас разыскиваю автора, приближаю его к себе и начинаю учить. Когда какое-нибудь произведение выдается на сцене, актеры говорят, что тут непременно есть или моя рука, или мой совет».

В превосходной книге профессора А. И. Ревякина «Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского», выпущенной в 1962 году издательством «Московский рабочий», приведены подробные сведения об отношении великого драматурга к молодым литераторам. Но тема эта далеко не исчерпана, так как существуют еще неизвестные в печати документы из переписки Островского. Некоторые из них обнаружились недавно...

Среди писем к Островскому, сохранившихся в той части его архива, которая ныне находится в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина, имеются письма студентов. Часть из этих писем известна в литературе, другие пока не изданы. Среди них письмо студента историко-филологического факультета Московского университета А. А. Кудрявцева. Оно не привлекло ранее внимания исследователей потому, быть может, что оставалось неизвестным, как реагировал на это письмо Островский. Теперь ответ великого драматурга отыскался, выявлены и интересные сведения об А. А. Кудрявцеве. Но прежде чем рассказать о нем, приведу его письмо к Островскому и ответ писателя.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Вы меня совершенно не знаете, и потому легко может случиться, что и это письмо и та просьба, которую Вы в нем найдете, покажутся Вам странными. Я сознаю это и тем не менее пишу к Вам потому, что не могу не писать. Может быть, Вы извините мне мою неделикатность, когда узнаете, в чем дело.

Я написал драму и решительно не знаю, что мне с ней делать: мне необходим суд человека, хорошо понимающего драматическое искусство; прямо отдавать ее на суд публики я не решаюсь. Я обращаюсь к Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, не откажитесь быть моим судьею. У нас в университете — я студент,— когда затрудняешься решением какого-нибудь научного вопроса, можно обратиться к профессору и так или иначе выйти из затруднения: в литературе нет таких профессоров, а они необходимы, в особенности в области драмы. У нас на сцену принимают почти все, за исключением разве немногих вещей, которые бракуются вследствие полного отсутствия смысла; полагаться на суд публики и фельетонных рецензентов по меньшей мере опасно. Между тем успех или неуспех первой пьесы, как мне по крайней мере кажется, для начинающего писателя имеет очень, очень большое значение. Поэтому очень важно решить, стоит ли пьеса того, чтобы отдавать ее на сцену, или следует подождать другого, более зрелого труда, или... уж лучше совсем оставить. Как же разобраться в этих вопросах? Самому, конечно, немыслимо: как ни старайся смотреть со стороны на свой труд, вполне беспристрастным никогда не будешь. Мнения так называемых «друзей», пожалуй, еще более собьют с толку: по крайней мере меня они опьянили не вполне, беспристрастная, хладнокровная оценка мне необходима. Между моими знакомыми нет никого, кто бы хорошо знал сцену; вот причина, руководясь которой я решился обратиться к Вам.

В моем решении меня поддерживают еще два обстоятельства. Во-первых, мне известно, что под Вашим руководством начал свою деятельность не один молодой драматург (Неве-

Не здесь ли обитали счастливые берендеи!

Художник А. И. Яблоков немало работ посвятил темам Островского.

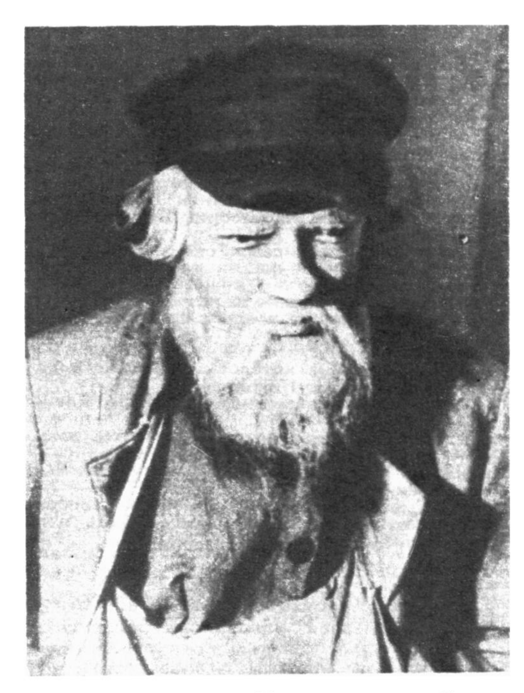
Ребятишки из Щелыкова.

«Женитьба Белугина». Московский театр имени К. С. Станиславского. 1972 год.

«Свои люди — сочтемся». В. Давыдов в роли Ризположенского. Александринский театр. 1907 год.

«Горячее сердце». Н. Хмелев в роли Силана. 1926 год.

«Доходное место». С. Кузнецов в роли Юсова. Малый театр. 1926 год.

жин, Соловьев), а во-вторых, мою смелость укрепляет еще та мысль, что ведь Вы не посторонний, не чужой человек: ни для какого русского, сколько-нибудь любящего родное искусство, Вы, как автор «Грозы», «темного царства», «Талантов и поклонников», не можете быть чужим. Я, разумеется, не хочу (потому что не имею никакого права) просить Вас поправлять, округлять, сгладить неровности в моей драме, я хочу только попросить Вас уделить мне 3—4 часа времени на ее прочтение: Вы скажете мне, есть ли в ней это что-то, без чего нельзя и думать о литературной деятельности, будет ли она иметь какой-нибудь успех, и укажете, какие сцены в ней лишние, потому что я сам сознаю, что таких сцен много, что она порядком растянута, а это, разумеется, очень вредит ее сценичности.

Александр Николаевич! Я буду вполне искренен с Вами. Вы не можете себе представить, чего мне стоит писать к Вам. Вы поймете, что это ведь очень мучительно: тут и боязнь показаться смешным и еще большая боязнь не достигнуть желаемого, не получить от Вас ответа. Последняя мысль гораздо мучительнее первой: я вполне уверен, что письмо это не возбудит в Вас особого смеха, хотя бы в силу своей полной искренности. Но ответ... Я думаю, с какой стати Вы будете отвечать мне: ведь, по совести говоря, Вам до меня не может быть ни малейшего дела. Да и потом Вы человек занятой, может быть, Вы и не можете тратить времени для человека, Вам совершенно неизвестного. Все это я хорошо понимаю, но что же мне делать-то? У меня нет настолько благоразумия, чтобы отказаться от желания прочесть Вам свою пьесу, у меня все вертится в голове мысль: ведь я прошу только 4, только 4 часов, а для меня это вопрос, во всяком случае, один из самых важных в жизни.

Поэтому, при всей странности моей просьбы, я все-таки надеюсь не получить отказа. Назначьте мне время, я буду у Вас, и, если Вы позволите, прочту Вам свою драму; мне очень хотелось бы прочесть ее самому, потому что мне кажется, я сумел бы голосом выразить то, чего мне, может быть, в некоторых местах драмы не удалось выразить на бумаге; да и вообще, я думаю, характеры были бы более ясны, если бы я читал ее сам. Если это уже совершенно невозможно, тогда Вы позволите занести ее мне и оставить у Вас: Вы прочтете ее сами. Я буду ждать Вашего ответа. Если даже Вы не захотите прочесть ее, и тогда, ради бога, отвечайте мне и — не сердитесь за назойливость — отвечайте, насколько это можно, скорее: Вы ведь сами, конечно, понимаете, какие минуты я буду переживать между отправкой своего письма и получением Вашего ответа.

Вот еще: если Вы будете так добры, что позволите мне быть у Вас и прочесть у Вас драму, пусть при чтении не будет посторонних лиц: я и так не знаю, с каким лицом я войду к Вам, а лишний человек меня еще более сконфузит.

Совсем забыл: может быть, Вам самим, даже если Вы бы и захотели, нельзя будет почему-либо скоро исполнить мою просьбу, тогда укажите мне человека, который бы мог до известной степени заменить Вас. Как я Вам буду благодарен, не говорю, Вы понимаете хорошо сами.

Надо кончать письмо, оно и без того длинно: плохая рекомендация для первого знакомства, а мне все-таки кажется, что что-то недосказано, что нужно было бы сказать что-то еще, что могло бы убедить Вас; ну, все равно, мне думается, что Вы и без того согласитесь, хотя бы потому, что Вы — Островский.

Прощайте; мне хотелось бы сказать, до свидания, Александр Николаевич.

С глубоким уважением остаюсь Александр К у д р я в ц е в.

P. S. Если Вы захотите ответить мне, вот мой адрес: Москва, Землянка, Тетеринский переулок, дом Грачова, студенту Александру Алексеевичу Кудрявцеву.

P. P. S. Письмо мое, ради бога, уничтожьте, я боюсь, что оно может кому-нибудь попасться на глаза.

Февраль 4-го 1883 г.

Студент Кудрявцев был прав: Островский всегда оставался человеком большой души. На следующий же день, сразу по получении этого письма, он отправил ответ. Вот его текст:

«5 февраля 1883 г.

Милостивый государь Александр Алексеевич.

В том, о чем Вы меня просите, я никогда и никому не отказываю. Приносите пьесу, когда Вам угодно. Я всегда дома. Я ее прочту сам и скажу Вам искренно мое мнение.

Готовый к услугам

А. О с т р о в с к и й».

Как и почему лишь недавно, спустя 85 лет после кончины Островского, автограф этого ранее неведомого письма обнаружился, да к тому же в Чехословакии... Как он туда попал?.. Кем стал Кудрявцев и чем ознаменовалась его дальнейшая жизнь?.. Такие вопросы, естественно, возникают после ознакомления с содержанием обоих писем. И теперь на все эти вопросы можно ответить с полнейшей точностью.

Всего тридцать лет прожил А. А. Кудрявцев — он родился в 1863 году, а умер в 1893-м. И хотя далеко не каждому скромному труженику, чья жизнь оборвалась в таком молодом возрасте, дано остаться в памяти современников светлой и незабываемой личностью, жизнь Кудрявцева была добросовестной, содержательной и по-своему яркой. Великая его любовь к работе, которую можно было назвать самозабвенной, неистовой, и привела так рано к могиле.

По окончании в 1885 году Московского университета Кудрявцев стал преподавателем русского языка и истории в Лазаревском институте восточных языков, одновременно читал лекции по истории драмы в Театральном училище, занимался литературной деятельностью: писал пьесы, повести, рассказы, статьи, печатался в журналах «Артист», «Русская мысль»... Без труда удалось отыскать в тогдашней периодической печати некрологи, в которых о покойном говорилось в самых восторженных тонах. Но никак нельзя было найти упомянутую в одном библиографическом справочнике книжку «Памяти Александра Алексеевича Кудрявцева», выпущенную в 1893 году в Москве. Не оказалось ее даже в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина; единственный экземпляр книжки нашелся в Государственной Исторической библиотеке.

Из пяти выступлений о Кудрявцеве, здесь напечатанных, два дают ответы на интересующие нас вопросы.

А. А. Кизеветтер, впоследствии доктор русской истории, автор ряда капитальных монографий, был другом Кудрявцева,— вот почему у Кизеветтера и оказалось письмо Островского!.. С 1922 года он жил в Чехословакии и был профессором Пражского университета; умер Кизеветтер в 1933 году. Недавно его дочь, живущая в Чехословакии, передала бумаги отца в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Таким образом и возвратился на родину автограф письма Островского к Кудрявцеву.

В названной книжке интересна и статья писателя Н. И. Тимковского «О литературной деятельности и литературных стремлениях А. А. Кудрявцева», где говорится: «Это была натура богато одаренная и удивительно разносторонняя... Его заветной мечтой всегда была деятельность литературная, посредством которой он мог бы проводить в общество свои идеи, убеждения, указывать и правду жизни и нравственную правду, выступать защитником всего, что есть лучшего в человеке и для человека».

Таким был Кудрявцев, в студенческие годы передавший свою первую пьесу на суд Островскому... То была, по-видимому, драма «Леев», где автор вывел «лишнего» человека, замученного самоанализом. Рядом с героем драмы, как бы по контрасту, создан образ Наташи, девушки, которая жаждет дела, не терпит уступок и компромиссов, презирает слабость и ищет человека непосредственного, цельного. Такую натуру она находит в лице Волкова, в котором видит жизнелюбие и смелость...

* * *

Нет на свете таких весов, на которых можно было бы взвесить, какую часть своей жизни затратил великий русский драматург, чтобы помочь молодым драматургам стать мастерами этого нелегкого дела... Но о том, с какой великой душевностью он занимался этим, можно заключить из письма, отправленного брату за девять месяцев до кончины:

«Кроме теоретических работ, я занимаюсь постоянно чтением множества пьес, которые мне шлют со всех концов России, я всем авторам отвечаю, много пьес возвращаю назад, некоторые подробно разбираю, критикую и даю авторам советы, как их исправить; а вот уж два лета и зиму я занимался этим усиленно, и у меня уж готово пять, исправленных по моим указаниям, хороших пьес, а одна — просто шедевр, и все начинающих писателей».

Студент Кудрявцев, мечтавший стать драматургом, сетовал, что в литературе нет таких профессоров, к которым можно было бы обратиться, чтобы «так или иначе выйти из затруднения». В таких делах Островский был не только профессором, но даже академиком, к тому же самого душевного склада. И за это ему честь и слава!

«Гроза». М. Савина в роли Катерины. Александринский театр. 1903 год. На фото автограф Савиной — слова из пьесы.

«Без вины виноватые». А. Тарасова в роли Кручининой, О. Стриженов в роли Незнамова. МХАТ. 1970 год.

«Доходное место». В. Белокуров в роли Белогубова. Театр Революции. 1924 год.

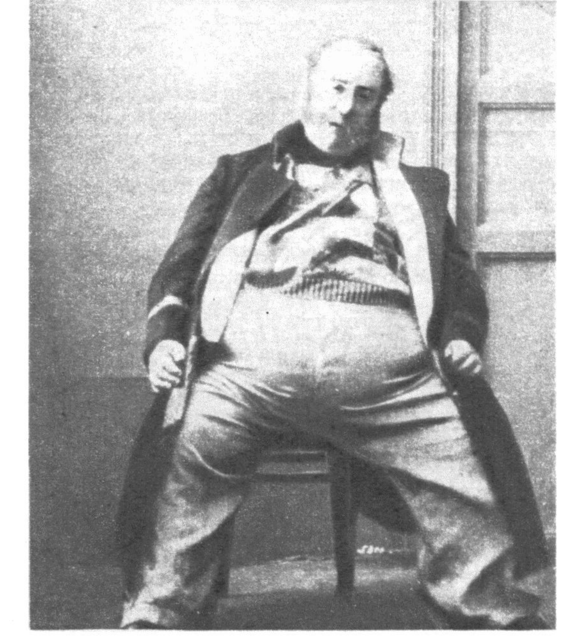

«На всякого мудреца довольно простоты». И. Москвин в роли Голутвина. МХАТ. 1910 год.

«На всякого мудреца довольно простоты». Е. Шатрова в роли Мамаевой, М. Царев в роли Глумова. Малый театр. 1943 год.

«Правда — хорошо, а счастье лучше». К. Варламов в роли Грознова. Александринский театр. 1876 год.

Б. ОВАКИМЯН

ОСТРОВСКИЙ И СУНДУКЯН

В октябре 1883 года А. Н. Островский со своим братом посетил Тифлис. Их приезд осветила газета «Мшак». Наиболее интересным событием, связанным с этим пребыванием, было знакомство Островского с армянским драматургом Сундукяном. Они встретились в доме у инженера А. В. Бахметьева, брата жены драматурга, где останавливался Островский. Произошло это, вероятно, между 14 и 18 октября, когда Островский вернулся из Баку. В течение десяти дней Островский общался с Сундукяном, принимавшим участие в торжествах и чествованиях Островского.

Спустя несколько дней грузинская труппа устроила чествование Островского в театре Арцруни. Были показаны второе действие пьесы «Доходное место», «Ночное чихание — к добру» Г. Сундукяна на грузинском языке (впервые) и первое действие пьесы А. Цагарели «Иные нынче времена».

По свидетельству газеты «Мшак», зрительный зал был переполнен. Торжественный прием, устроенный Островскому представителями армянской и грузинской общественности, довольно пространно описал сам драматург в своем дневнике.

Из другой информации «Мшака» узнаем, что 26 октября в Тифлисе в присутствии автора любители показали комедию «Не в свои сани не садись» на русском языке. После спектакля в честь знаменитого гостя был дан ужин, на котором присутствовали многие деятели литературы и искусства.

Накануне отъезда Островского из Тифлиса Сундукян посетил почетного гостя.

В своем дневнике от 28 октября Островский записал: «Сундукьянц привез свои сочинения на армянском языке».

Между писателями состоялась беседа о драматургии. В этот же день Сундукян подарил Островскому роскошно оформленные издания своих пьес «Пепо» (1870, на армянском языке и 1880, на грузинском языке), «Хатабала» (1866), «Разоренный очаг» (1873), «Ночное чихание — к добру» (1863) с посвящением: «Александру Николаевичу Островскому, в знак глубочайшего уважения от автора, 28 октября 1883 г., г. Тифлис».

Сундукян подарил Островскому и рукописный экземпляр «Пепо» на русском языке, в своем переводе, под редакцией театрального деятеля и журналиста П. Опочинина; тут были указаны имена исполнителей ролей в первой постановке «Пепо» в тифлисском русском театре.

Сохранилось и еще одно свидетельство Сундукяна о подробностях знакомства с Островским. В 1911 году, отвечая на вопросы редактора журнала «Русская старина» Павла Николаевича Воронова, Сундукян писал: «С Александром Николаевичем Островским я имел счастье познакомиться в бытность его в Тифлисе, за обедом у инженера Бахметьева, и у нас очень скоро завязался с ним интимный, дружеский разговор о литературе, театре, просвещении народа и т. п.

Вскоре после этого состоялся в честь его спектакль на грузинском языке в театре Грузинского дворянства. Играли пьесы Александра Николаевича, мою и еще что-то, теперь уж не помню.

Александр Николаевич сидел в ложе бель-этажа, я — в партере.

По окончании представления пьесы Александра Николаевича я во время шумных аплодисментов по его адресу побежал наверх, чтобы пожать его дорогую руку, что и исполнил, встретив его в коридоре. Он меня завел в свою ложу, познакомил с сидевшим там братом своим — министром государственных имуществ, посадил и меня рядом с ним. Оба они были очень любезны, внимательны ко мне и до конца спектакля уже не выпускали меня из своей ложи.

Александр Николаевич, узнав, что у меня есть рукописный перевод на русский язык моей пьесы «Пепо», взял его у меня перед отъездом в Москву, обещал посмотреть, исправить, если нужно, язык и поставить ее там на сцене.

Однако желание Александра Николаевича не могло быть исполнено вследствие его болезни и последовавшей затем смерти его, к величайшему прискорбию всей интеллигентной России.

Доброго отношения ко мне Александра Николаевича я никогда не забуду.

Писем же от него я ни разу не получил вопреки сообщению некоторых газет. Что он успел сделать с моею рукописью, не знаю».

Оказало ли творчество Островского влияние на творчество Сундукяна? На этот вопрос ответил сам Сундукян в письме к Ю. Веселовскому от 30 сентября 1898 года. Он писал: «Гоголь, Грибоедов, Островский, Мольер, Шиллер, Шекспир, Дюма и многие другие неразлучны с мною...»

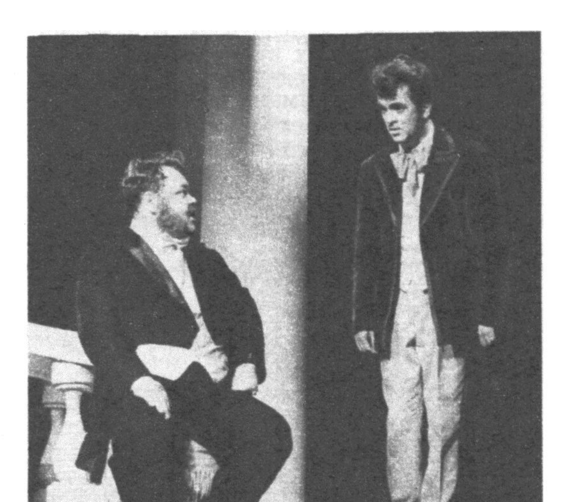
«Дикарка». Омск. С. Аникина в роли Вари, В. Мальчевский в роли Ашметьева. 1970 год.

«Не в свои сани не садись». Московский театр имени М. Н. Ермоловой. Т. Щукина в роли Авдотьи Максимовны, А. Жарков в роли Ивана Петровича. 1972 год.

«На всякого мудреца довольно простоты». Город Горький. В. Соловьев в роли Мамаева, В. Вихрев в роли Глумова. 1970 год.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Олесь ГОНЧАР

Рисунок заслуженного художника РСФСР П. ПИНКИСЕВИЧА.

Ох, эта его Камышанка, достославная столица низового камышового царства! Не раз явится она хлопцу в снах и возникнет в его безудержном воображении, проблеснет роскошью прибрежных верб, их тяжелым текучим серебром над водами тихого камышанского затона... Испокон века стоит Камышанка у самой воды, лицом к плавням, по окна в камышах, слушает музыку их шумов осенних, что ни на какие иные шумы не похожи, да кряканье птиц, гнездящихся в плавневых чащах, где сквозь заросли и каюком не пробьешься. Камышом тут издавна кроют хаты, из камыша хозяин ставит вокруг усадьбы плетень-ограду, камыш можно применять еще и как строительный материал — это забота камышитовых заводов, которых в последнее время расплодилось по всему гирлу множество. Камыши здесь верно служат человеку: зимой дают камышанцам тепло, а летом — чарующие свои шорохи лунными ночами, и если местные хотят похвалить девушку, то говорят: стройненькая, как камышиночка! А когда бранятся зло, то: чтоб тебя камышиной измерили (потому что мертвого приходилось мерить для гроба камышиной). И даже археологи на раскопках курганов, разрыв их до основания, находят подстеленный под скифскими царями камыш, не истлевший за тысячелетия. Косят камышанцы камыш преимущественно зимой, когда вода замерзает, накосив, вяжут в тюки, а вывозят их уже по «сырой» воде, то есть свободной ото льда. Устремляются тогда из бурых плавневых джунглей к Камышанке целые флотилии черных, просмоленных челнов, и на каждом лежат поперек длинные кули крепко связанного накошенного добра. Обычная коса камыш не возьмет, его косят специальными косами-полусерпами, и то нелегкая работа даже для мужчин, тем не менее и женщины не сторонятся этого труда, когда надо, идут жать плавневые заросли наравне с мужчинами.

Возводя хату, косила плавни и Оксана, дочка старого Кульбаки, хотя ей, как матери-одиночке, возможно, выписали бы и шиферу, если бы пошла к своему начальству с заявлением: ведь там, где она работает, в коллективе научно-исследовательской станции, молодую женщину не раз отмечали за ее самоотверженный труд. Просить шифер Оксана не пошла — хата под камышом тоже, мол, имеет свои преимущества: зимой якобы лучше удерживает тепло, а летом, наоборот, под такой кровлей прохлада, жара через камыш не пробьется.

Так это или не так, только еще одна хата под камышом с красивым гребнем появилась в Камышанке, и сторожит ее опечаленный Рекс, верное существо, тяжело переживающее отсутствие юного хозяина. Когда сын Оксаны, этот, по ее же характеристике, «тиран и мучитель», очутился в спецшколе, Оксана сама не своя побежала в контору к главному начальству, к доктору наук:

— Возьмите на поруки!

Молодую мать выслушали терпеливо. Ей сочувствовали, однако напомнили при этом, что попал ее сынок в строгое заведение с ее собственного согласия, по ходатайству родительского комитета и при содействии детской комнаты милиции, то есть по таким авторитетным представлениям, против которых не может пойти и сам доктор наук. Хотела Оксана тотчас же мчаться в грозную эту спецшколу в самую Верхнюю Камышанку (еще одна Камышанка!), но, как выяснилось, проведать сына ей разрешат лишь через определенное время, когда он пройдет карантин и своим поведением заслужит право на свидание с матерью. Так что Оксане оставалось только представлять себе ту страшную школу, обнесенную, может, даже колючей проволокой, а что каменной стеной — так уж наверняка, ведь когда-то там был монастырь, и по ночам, как повествует легенда, сторожа за изрядную плату подавали монахам через стену в мешках любовниц. Не столько молитвами себя там изнуряли чернорясники, сколько ночные оргии справляли, а теперь за ту стену детей бросают, ни за что будут держать там и ее ненаглядного сыночка! Забыла уже, как сама всем жаловалась на него, и сельсовет просила и лейтенанта из детской комнаты милиции, чтобы куда-нибудь отправили ее мучителя, а теперь вот, когда его пристроили, наконец, в этот интернат, мать места себе не находит. Сколько же за эти дни думала-передумала о своем баламуте. Станет среди песков, засмотрится на убегающее перекати-поле, а даже оно, перекати-поле, покатившись серым клубком, подпрыгивая помальчишески, причиняет ей боль. Такая наляжет тоска, такое одиночество — кажется, разорвется душа!

С тех пор, как солнце пригрело и повея-

Окончание. См. «Огонек» № 14.

ло весной, Оксана изо дня в день тут, среди этих сыпучих песков. Украинская Сахара! Двести тысяч гектаров мертвых песчаных арен, что хмуро тянутся по тем местам, где когда-то, может, еще в доисторические времена, проходило русло прадавнего Днепра. Постепенно смещалось оно, передвигаясь на запад, земля ведь вертится и вертится, и реки наши тоже на это отзываются. В античные времена шумела лесами здесь Геродотова Гилея (об этом Оксана не раз слышала из лекций ученых), цветущий был край, а потом якобы кочевые племена все вытоптали, леса уничтожили, и копанки, чумаками копанные, песком позаносило, осталось царство кучегур, движущихся песков, которых, казалось, человеку ничем не остановить. А вот теперь — и это ведь не хвастовство! — на тысячи гектаров уже протянулись в кучегурах сады и виноградники, посадки сосен, тополей и белой акации. Не даром ест хлеб эта научно-исследовательская станция, что разрослась по соседству с совхозом, все дальше заходя в кучегуры своими производственными отделениями. Недаром и те, кто пишет диссертации, и разные перениматели опыта едут отовсюду поглядеть на труд здешних ученых, механизаторов и женщин-виноградарниц, таких, как Оксана. Неужели получается? Неужели зацепилось, прижилось?

Нашествие движущихся песков человек все же смог тут остановить, и, оказывается, остановил он их... камышиной! Так по крайней мере отвечает Оксана, когда какие-нибудь уж слишком дотошные приезжие появляются у нее на делянке, где всюду по разровненному бульдозерами песку вчерашних кучегур стоят ряд за рядом защитные кули против ветра — камышовые заграждения! Вот под такой защитой и находится еще один отвоеванный гектар, где в это время на порядочной глубине как раз просыпаются к жизни виноградные чубуки, Оксанины питомцы. По норме должна вырастить пятьдесят тысяч виноградных саженцев, да еще саженцев особенных, закаленных, обезвреженных, потому что здесь карантин, отсюда саженец должен выйти чистым, и таким он выйдет, ведь никакой вредитель, никакая нечисть не выдерживает летом этих раскаленных песков, их адских температур.

Количество приживлений на участках Оксаны рекордное, в самый трудный, самый опасный год не дает она погибнуть чубучатам. Как мало кто, овладела она искусством приживлять, оберегать и выращивать этих малышей, а вот со своим любимым сыночком справиться так и не смогла, вынуждена была передать его воспитание в чьи-то руки. Узнает ли дитя ласку от них? Или за малейшее непослушание будут обижать, ущемлять его на каждом шагу? Ведь пусть хоть какой там стоящий учитель, а разве ж оно ему родное?

Как раз работала, расставляла камышовую ограду для защиты нынешних саженцев, за делом не сразу и заметила, как от автобуса направились к ней напрямки двое: рыжечубый коренастый моряк и девушка с решительным выражением лица, черненькая, в сером свитере, туго облегавшем ее ладную фигурку. Босиком шла, а модельные свои несла в руках, иначе потеряла бы в сыпучем песке. Как же удивилась Оксана, когда узнала, что перед нею — учителя, те самые, что будут воспитателями ее сына, и прибыли они, чтобы познакомиться с матерью, узнать о том сорвиголове, так сказать, из первоисточника. Были это Борис Саввич и его коллега Марыся Павловна, по фамилии Ковальская. Прямо растрогали они мать-одиночку своим визитом! Мало того, что о сыне заботятся, еще и мать решили навестить.

— Так это вы, учителята,— рассматривала она их взволнованно.— А я подумала, не практиканты ли какие явились...

Зорким глазом заметила кольцо на правой руке у Бориса Саввича и сразу же сделала вывод: семейный, не холостяк, у которого только романы в голове,— значит, будет лучше присматривать за доверенными ему воспитанниками. К Марысе Павловне у работницы шевельнулось чувство немножко даже ревнивое: эта девчушка должна ее сыну родную мать заменить?! Такой молодой и, наверное, неопытной, передан ее Порфир на вышкол? Сумеет ли она его перевоспитать, и что она ему привьет? Если ремня не слушался, то послушается ли ее, этой девчушки? Сама еще как десятиклассница, хотя теперь, бывает, и десятиклассницы иногда мамами становятся... И ревность и сомнения пробудились в душе. Однако первое свое впечатление Оксана ничем не проявила, напротив, ей хотелось быть приветливой с этими людьми. Усадить, угостить... если бы это дома!

— Садитесь вот хоть здесь,— показала им на сваленные кучей камышовые кули.

Весеннее солнце еще не жгло, оно лишь приятно пригревало живым теплом, и степь дышала привольно, ветерком обвевая людей. Учительница сказала:

— Вот здесь чувствуешь, что идешь сквозь воздух.

После этого и Оксана как-то по-другому ощутила на себе этот ласковый струящийся ветерок.

Примостившись на кулях камыша, молодые педагоги стали расспрашивать Оксану о сыне, об этом шальном правонарушителе Кульбаке Порфире, и оказалось, что нисколечко не хочет мать жаловаться на него, нет ему от родительницы ни осуждения, ни проклятий. О чем бы ни заходила речь, улыбка снисхождения промелькнет, искринки слез, пусть выстраданных, но всепрощающих, порой даже гордых, уже вспыхивают в материнских глазах. С душой ведь хлопец, такой он добрый бывает! Только весною запахнет — уже скворечники ставит на деревьях, а зимой целый день на речке лунки пробивает, чтобы рыба не задохнулась подо льдом...

Марыся Павловна, не отводя взгляда, наблюдала за молодой матерью, находя в ней сходство с сыном,— такая же лобастая, глаза серые, только большие (у того сорванца маленькие), шея высокая и худая, а при резком повороте головы жилы на ней напрягаются. В лице женщины какая-то изменчивость, мгновенные вспышки возбуждения сменяются вдруг — как это бывает у людей нервных — быстрым упадком настроения, подавленностью, видно, что нервы издерганы до предела... Все это, ясное дело, следы, оставленные любимым сыночком... Газовая косынка, однако, повязана по-девичьи, губы подкрашены — этого не забывает. И лицо, хоть и измучено, сохраняет все же привлекательность, во взгляде, сияющем, горячем, чувствуется внутренняя пылкость, затаенная страсть.

— Любовь слепа, это известно,— сказала учительница.— И хотя это трудно вам, мы все же просим вас рассказать о своем сыне по возможности объективно, ничего не скрывая.

А коллега ее добавил:

— Это пойдет ему на пользу.

— Он у меня и так не уголовный преступник!

— Мы и не говорим, что уголовный... Но ведь вы хотите, чтобы сын ваш вырос честным, мужественным... И мы тоже этого хотим.

И странное дело: с первого слова мать поверила им, почувствовала, что не должно быть тайн от этих людей, которые отныне тоже несут ответственность за ее дитя.

— Измучилась я с ним, изгоревалась,— призналась она.— Поглядите, какою стала,— показала на худые свои плечи, на жилистые руки,— а я ведь еще молодая. И всему причина — он, он... Нету дня спокойного, а настанет ночь — тогда для матери еще больше тревоги: бегу после кино в клуб, ночных сторожей спрашиваю,— может, видели? Мечусь по селу, плачу, разыскиваю: где оно, дитя мое несчастное? Может, купалось да утонуло,— не такой же он у меня плавак да моряк, как сам о себе наговорит... «Утонул!» — словно бы шепчет мне кто-то. И уже вижу, как на рассвете вытаскивают его неводом, посиневшего, опутанного рыбацкими сетями... Станешь потом спрашивать, где был, а он тебе наплетет с три короба, насочиняет всякого, только слушай, потому что он же у меня, как Гоголь.— И улыбнулась измученно, сквозь налитую солнцем слезу.— Фантазий у него всяких — видимо-невидимо... Может, и вы уже слышали, как дедуся ранило и как его Рекс вытащил с поля боя? Что дедусь ранен был, это правда, с одним легким с фронта вернулся, а вот что Рекс — так откуда бы ему там взяться, на поле боя...

— Воображение активное, мы это заметили,— отозвалась Марыся Павловна.

— Поверите, иногда он у меня прямо золотой: мама, не убивайтесь, не плачьте, я буду послушным, заживем дружно, и школу не буду пропускать, завтра меня пораньше разбудите. Выбегая на работу, поставлю ему будильник под самое ухо, а он и будильник проспит и до школы не дойдет: кого-то по дороге встретил, чем-то увлекся и уже обо всем на свете забыл! Где-то уже в плавнях его ищите, там ему всего милее, там ему право-воля!

— Волелюб! — впервые улыбнулась Марыся Павловна.

— Ему хорошо, а мне... Места не нахожу. Брошусь на розыски, поймаю, высеку, да только разве ж побоями воспитаешь?

— А дедуся он слушался? — спросил Борис Саввич.

— О, пока дедусь был жив, дружба у них была — неразлейвода! И на рыбалку вместе и на виноградники, бывало, бежит, когда дедусь пошел сторожить,— не раз там в шалаше ночевал. Прибежит оттуда радостный, веселый, докладывает: «Мама, я сегодня ничего не натворил!»

— А вы не пробовали его к своей работе приучить? — поинтересовалась учительница.

— Пробовала. Возьму его с собой, дам ему тяпку в руки, покрутится возле меня, а только отвернулась — ищи ветра в поле! Да для кого же я эти кучегуры засаживаю?— с жаром говорила она, как будто сын наяву, вот тут, возник перед нею.— Ведь для тебя прежде всего! Двести тысяч! Пустыня, Сахара — такое тебе от капитализма осталось, а теперь, гляди, что сделано! И для кого? Для кого эти кучегуры разравниваю, винограды закладываю, подкармливаю, сто раз поливаю? Пески, как огонь, даже самая живучая — филоксера эта, извините, вошь корневая, не выдерживает, гибнет, а саженец мой растет! Потому что с любовью выращиваю, для тебя стараюсь, а ты? Это такая маме благодарность от тебя? Да погляди, какая я уже стала растерзанная вся, нервы мои больше не выдерживают!.. Иногда растрогается: не волнуйтесь, мамо, не буду больше,— бросится, успокаивает, готов руки-ноги тебе целовать. Смотри, говорю, сколько я этих кучегур окультурила, но ведь и на твою долю еще будет да будет! Готовься! Он и не отказывается: а что, мол, выучусь, пойду в механизаторы, на плантажные плуги... А пока что наберет хлопцев и айда вон в те, еще не распаханные кучегуры... А там же на пустырях полнехонько снарядов да мин — могу ли я быть за него спокойной? Мы здесь, когда разравниваем кучегуры, то специально саперов всякий раз вызываем, без них нельзя: они идут впереди, а мы уже за ними — чубуки сажаем...

Точно эпос, слушала Марыся Павловна повествование работницы обо всех этих будничных битвах, что продолжаются тут годами. Ведь не так просто оживить, окультурить считавшийся безнадежным пустынный этот край. Сначала нужно разровнять бархан за барханом, а потом засеять житом в конце августа, а на следующую весну жито скосить, поднять плантаж, внести удобрения и еще раз засеять житом, а весной по нему уже сажают виноград с таким расчетом, что, когда жито выбросит колосок, в это же время и виноград брызнет листом, и они как бы взаимно поддерживать будут, защищать друг друга... Оказывается, жито — одно из самых устойчивых растений на планете, жита боится даже осот, в этих условиях оно как раз и очищает землю, с жита тут все начинается... «Вот где властвует творческий дух человека,— невольно подумалось Марысе.— И эти люди, что целый край возвращают к жизни, они тоже — как жито...»

Не все из услышанного Марыся Павлов-

на понимала, далека была ей вся эта виноградарская технология, но ясно для учительницы было одно: перед нею мастер, перед нею человек, который сумел оживить эти мертвые, бесплодные пески, что только и были начинены ржавым металлом войны. И хотя с сыном у этой женщины не совсем ладно, зато есть в ней иной талант — среди всех трудностей, среди раскаленных песков умеет выпестовать свой зелененький саженец!..

Борис Саввич оказался довольно компетентным в делах виноградарских, он с полуслова схватывал то, о чем шла речь. Марыся же Павловна чувствовала себя тут ученицей, наивной или, может, даже смешной, только о жите что-то и могла взять в толк, остальное же представляла себе довольно смутно. А она, виноградарница... «Ох, если бы мы, педагоги, так умели выращивать детей, как эта женщина умеет выращивать свои саженцы!» Капризные, прихотливые, а ее слушаются. Даже из Алжира присылают ей сюда чубуки, и они здесь у нее проходят закалку. Самый страшный вредитель — филоксера, ранее считавшаяся непобедимой, она тоже пропадает в этом огненном карантине. Ведь все лето здесь огонь, босою ногой в песок не ступишь, и лишь лоза виноградная каким-то чудом приживляется, откуда-то соки берет, развивается под Оксаниным присмотром. «Вот так, как мы саженцы, так вы детей наших берегите»,— могла бы эта молодая женщина сейчас сказать Марысе Павловне, и это было бы справедливо. Самое дорогое, что есть у нее в жизни, сына единственного отдала она тебе на воспитание, а ты... Сумеешь ли? Оправдаешь ли материнские надежды?

— Не отдала бы вам его,— сказала задумчиво мать,— да только ведь школа стонет... И соседки просят: отдай да отдай, Оксана, его в интернат, не то и наших посводит с ума да с толку. Он же тут для всех камышанских сорвиголов авторитет!

— Чем же он этот авторитет добыл? — спросил воспитатель.

— А тем, что верный товарищ. Хоть ты его убей, не выдаст, скорее даже на себя вину возьмет... И меньшого ударить не даст, напротив, заступится за него перед драчуном. Если уж так, мол, руки чешутся кого-то ударить — бей меня, я крепче, выдержу. Сам он ничего не боится, просто бесстрашный какой-то! Наверное, в деда пошел...

Все время Марысю так и подмывало узнать еще одно, сокровеннейшее: от кого же дитя, из какой любви? И когда наконец отважилась спросить, то и это женщина восприняла естественно, даже не смутившись, видно, не было ей чего стыдиться в своем прошлом.

— Кое-кто говорит, Оксана, мол, легкомысленная, она за свободную любовь, безбрачно с женатым сошлась.— Говоря это, женщина смотрела куда-то вдаль, словно обращалась к маревам, что уже срывались, струились чуть заметно у горизонта.— Может, оттого и дитя у нее такое отчаянное, что безбрачное, ему, дескать, тоже только свободу дай... Не отрицаю — безбрачное, беззагсовое, но ведь я же по любви сошлась! — воскликнула она тихо.— Не заглядывала ему в паспорт, на зарплату его не зарилась, полюбила — и все. Потом уже советовали, чтобы на алименты подавала, но я решила: нет, и так обойдусь. Гордость человеку дороже... Да и станция меня в обиду не даст. А когда-нибудь еще, может, и сам он меня найдет, хоть седую разыщет, чтобы посмотреть, какого же сына вырастила мать-одиночка от своей первой, да, наверное, и последней любви...

Она словно и забыла, где сейчас ее сын и что именно послужило причиной этого разговора, ни жалоб, ни нареканий не было в ее повествовании, скорее, она просто исповедовалась этому солнцу и просторам, спокойно изливала душу этим людям, отдалившись взглядом, засмотревшись в марева, как в свои ушедшие лета.

Авторизованный перевод с украинского Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Валентин **СИДОРОВ**

ПУТИ

1

Вот и настал тот долгожданный час,
Который только раз в году бывает.
Но тишина, объемлющая нас,
Меня сегодня неспроста пугает.
Мы сутолокой все оглушены.
Раздражены. И все-таки напрасно
Мы, как спасенья, жаждем тишины,
Зря на нее так уповаем страстно.
Что из того, коли придет опять,
А мы все в той же спешке чрезвычайной.
А мы не знаем, как ее принять.
Что ей сказать... Она как гость случайный.
Мы рады даже, и душа горит,
Но не о чем нам с нею говорить.

2

Что тишина! Пусть город умолкает.
Она, увы, приходит невпопад.
Мерцают мысли в тишине, мелькают.
Они, как колокольчики, звенят.
О, сколько их!.. Попробуй сладить с ними,
Восстановить нарушенный покой,
Не властен ты над мыслями своими.
Они скорее властны над тобой.
И мир безмолвья твоего расколот.
Гудят, как пчелы, мысли в темноте.
А эта, словно стопудовый молот,
Рождает эхо в праздной пустоте.
И не поймешь, зачем она в полночи
Так яростно, так ревностно грохочет.

3

Никто, ничто ни на единый миг
В тебе твое смятенье не заглушит.
Пусть не умеем слушать мы других,
Самих себя хотя б учились слушать.
Мы от самих себя отделены
Невидимой, но прочною стеною.
И тишина волною вдоль стены
Меня опять обходит стороною.
Ведь это так — для слога, для души —
Мы говорим, что, дескать, мозг пылает.
А мозг — болтун, и он в ночной тиши
Без умолку болтает и болтает
И вдохновенно гасит каждый раз
Безмолвье, возникающее в нас...

4

О, как раздумья праздные мои
Готовы тотчас перейти в сомненье!
Как мы мешаем собственной любви
Воспоминаньем, мыслями, сравненьем.
И сколько правил, наставлений, догм
В глубинах нашей памяти хранится.
Мы почитаем за священный долг
Наметить четко для любви границы.
Установить незыблемый предел.
Уж что другое, это я умею.
Среди текучки неотложных дел
Я как бы опекунствую над нею
И указую ей, перстом грозя:
Вот это можно, а вот то нельзя!

5

Нас удивляет суматоха дней
Какой-то повторяемостью странной.
Но что же ищем мы в любви своей?
А мы ведь ищем, ищем непрестанно.
Что ищем мы? Себя и свой успех?
Кто нас искать неведомый заставил
Ушедший день и прошлогодний снег,
Что, слава богу, уж давно растаял?
Ни прошлого, ни будущего нет,
И потому окончены сравненья.
Есть только ты и неотступный свет,
Есть только радость каждого мгновенья.
А поиск мой упрямый и слепой
В любви лишь может обрести любовь.

6

Мы в свет войдем, охваченные светом,
Но не коснемся пламени его.
И нашей мысли заземленной это,
Быть может, непонятнее всего.
Как странен мир. Знакомая окрестность
Как бы рожденной заново встает,
И бесконечность, вечность, неизвестность
Таит в себе высокий небосвод.
Тускнеет мысль, и меркнет, меркнет, меркнет,
И исчезает где-то, наконец.
Она все ищет подходящей мерки,
Она все ищет должный образец,
Постичь пытаясь тщетно и напрасно
Все то, что ей, по счастью, неподвластно.

7

Мне кажется порою, что любовь
(В душе моей ей все открыто, право),
Смягчая нашу внутреннюю боль,
Глядит на нас с улыбкою лукавой.
И, понимая мелочность тревог,
Смятенье и сомнение любое,
Она не судит нас — избави бог! —
Тогда б она и не была любовью.
Она лишь милосердие дарит,
И взгляд ее раскрепощенный светел.
И мы с тобою — что там говорить! —
В сравненье с нею все равно, что дети.
И как бы мы ни пыжились подчас,
Любовь и старше и мудрее нас.

8

Но все же как захватывает нас
Калейдоскоп иллюзий и событий.
И я не помню, уж в который раз
Я с силой рву натянутые нити.
И мне сейчас, ей-богу, невдомек,
Какие нас пронизывают токи.
Ведь мы вошли в невидимый поток,
Ведь мы с тобой в светящемся потоке.
И все смятенье прежних дней моих,
И все, что в сердце суетном творится,
И все, что мучит даже в этот миг,
Уляжется, осядет, растворится.
Как сказано устами мудреца:
Любите лишь и верьте до конца!

9

Коль по привычке стародавних лет
Сравнить любовь с огнем необходимо,
То это — пламя чистое, как свет,
Без примеси, без копоти, без дыма.
Но, боже мой, какая гарь опять
Колеблет пламя и туманит зренье!..
Кому, кому, а мне ли да не знать,
Как душат ревность, страхи, подозренье.
И сколько раз любой свой день, любой
Я начинал уныньем и тоскою...
Любовь, любовь. Нет, это не любовь,
А что-нибудь совсем-совсем другое!
И будет ложь помножена на ложь,
Когда любовью это назовешь!

10

Любовь как пламя. И любую тьму
Бестрепетно то пламя переплавит.
Не доверяй холодному уму!
Отдай себя, чтоб было выше пламя!
Как весел свет высокого костра!
Любовь жива, любовь права навечно

ЛЮБВИ

Лишь потому, что царственно щедра,
Лишь потому, что царственно беспечна.
А если б сомневалась каждый раз
Да все решала б для себя задачу:
Вот это я оставлю про запас,
А это я на черный день припрячу,—
Что было б с нею? Словно скопидом,
Погибла б под накопленным добром.

11

В каких-то дальних тайниках души,
Хоть в этом не посмеем мы признаться,
Мы взвешиваем, словно торгаши:
Не прогадать бы, вновь не обознаться.
О как же мучат этот вздор и тлен!..
А в жизнь вторгаться надобно с азартом.
И ничего не требовать взамен,
Не вычислять: а что же будет завтра?
А почему не через сто веков?
И что мне надо? Ничего не надо.
Мне этот мир в сверканье облаков
Сам по себе уж лучшая награда.
И слово «жить» недаром, может быть,
Становится синонимом «любить».

12

Уходит страх, в себя вобравший мрак.
Сомкнулись ветлы бережно и плавно,
Любовь не может тайной быть никак,
Она была, и есть, и будет явной.
В сумятице стереотипных дней,
Себя не выдав ни единым словом,
Ее, положим, скрою от людей
Под маской равнодушья показного.
Я буду убедительным вполне.
Себя сдержу я размышленьем здравым.
Но как солгу я этой тишине,
Солгу вот этим облакам и травам?
Ведь я и сам безмолвие ловлю
С одной лишь целью, чтоб сказать: люблю!

13

Любовь не слышит мой тревожный глас,
И я всегда теряюсь перед нею.
Скрывать ее от посторонних глаз,
Держать в узде совсем я не умею.
Как удержать? Слова лишь звук пустой.
Она не внемлет, ничему не внемлет.
Она весь мир с толпой и суетой
Своим дыханьем радостным объемлет.
И в каждом встречном вспыхивает свет,
И каждый миг торжественен и светел.
Да как же раньше в суете сует
Не разглядел я это, не заметил?
И полон я желанием одним:
Служить вселенной именем твоим.

14

А мир вокруг и бодрствует и дремлет.
Неразличим с землею небосклон.
Над кронами качнувшихся деревьев
Замедлилось течение времен.
Бег облаков сквозь листья незаметен,
И кажется далеким и смешным
Счет на секунды, годы и столетья.
Неужто что-то связывало с ним?
Как будто вечность нам в лицо дохнула.
И что слова. Зачем они, слова?
Не тронутая гомоном и гулом,
Не тронутая временем трава,
Коснувшись осторожно изголовья,
Нас погружает в теплое безмолвье.

15

Я счастлив вновь, что тихая листва
Дарует нам с тобою благосклонность.
Безмолвье, вечность — это все слова,
Боюсь, что это некая условность.
Их глубину нисколько не темня,
Я от себя и от других не скрою:
Они звучат загадкой для меня,
Их надо расшифровывать порою.
Но чтоб воскрес из темноты слепой
Смысл этих слов, таинственный и дальний,
Я вместо них поставил бы «любовь»,
И сразу б, тотчас прекратились тайны.
И сразу, без труда и волшебства,
Плоть обретут бесплотные слова.

16

Над нами небо распростерлось немо,
И слился день с дыханием его.
И все и все пронизывает небо,
И, кроме неба, нету ничего.
И не понять, что б это означало.
Кто объяснит? Никто не объяснит.
Но отовсюду небо зазвучало,
В любой былинке небосвод звенит.
И все вокруг: и шорохи, и звуки,
И облака, и неподвижный дым,
И всплеск речной невидимой излуки —
Насыщено безмолвьем голубым,
И с постоянством, в наше время редким,
Слова любви раскачивают ветки.

17

Любовь есть сон. Так говорил поэт
И добавлял: должно быть пробужденье.
Не стоит, может, через столько лет
Вторгаться мне в чужие размышленья.
Но убежденье давнее растет,
И нет в словах ни спешки, ни горячки.
Какой там сон! Совсем наоборот.
Я лишь сейчас очнулся, как от спячки.
Любовь, любовь освобождает дух,
И круг порочный наконец-то прорван!
И лишь сейчас и то еще не вдруг
Мир обретает истинные формы.
А до нее — теперь понятно мне —
И я и все как будто в полусне.

18

Незримый свет меня объемлет разом,
А все сомненья — это до поры.
Не выдумка досужая, не фраза:
Любовь и вправду создает миры.
Не подправляет, не преобразует,
А именно творит и создает,
Дыханием светящимся связует
Земную твердь, меня и небосвод.
Встречает нас великое молчанье,
И ты сначала даже не поймешь,
Что этот мир лишь внешне, лишь случайно
На прежнюю вселенную похож.
Похож, похож и синевой и зноем,
Но каждый атом дышит новизною.

19

Далекий гул прервался и затих,
Затих, как будто никогда и не был.
И нет меня, и мыслей нет моих,
А есть одно сверкающее небо.
А где же то мятущееся «я»,
Что бегало, искало, угрожало,
Что, не смущаясь, центром бытия
Воинственно себя воображало?
В прозрачно-первозданной глубине
Дым затвердевший тает постепенно.
И, возникая исподволь, во мне
Звучит, звучит безмолвие вселенной.
Должно быть, вечность именно сейчас
Неодолимо воскресает в нас.

20

Зной над землей распаренной струится,
Колышет травы теплою волной,
И исчезает зыбкая граница
Меж листьями, и травами, и мной.
Ничто во мне мой мир не потревожит.
Я знаю точно: так и быть должно.
Границы нет. И быть ее не может.
О ней и думать в этот миг грешно.
А «травы», «листья» — это лишь названья,
К которым прибегаем, может быть,
Чтоб погасить звучащее сиянье,
Чтоб выделить себя, чтоб отделить.
А нам нельзя, нельзя ни на мгновенье
Единство света предавать забвенью.

21

Быть может, назначение любви
И смысл ее извечный, сокровенный —
Вот это единение с людьми,
С землею, с небом и со всей вселенной.
В молчании распаханных полей,
В безмолвии летящего мгновенья
Мы ощущаем во сто крат сильней
Всю красоту такого единенья.
И умирает, в травах растворясь,
Настороженность наша, отчужденность,
Со всем живущим радостная связь
В тебе проснулась как освобожденность.
Кончают мысли суматошный бег,
И нет меня, отдельного от всех.

22

И нарастает радость бытия
Неукротимо и необратимо,
Она, заполонившая тебя,
Единственное, что непобедимо.
Важней заветов не было и нет.
Из всех заветов помню только этот,
Неомраченной радости завет,
Высокий зов нахлынувшего света.
Не в назиданье людям, не в укор,
Но сказано давно и не напрасно:
Лишь радостный, незамутненный взор
Тоской и скорбью может видеть ясно,
Мир целиком охватывая весь,
Он видит мир таким, каков он есть.

23

Опять, опять захлестывает вдруг
Волна неповторимого доверья
И к травам, заструившимся вокруг,
И к раскаленным, как чугун, деревьям,
И к трепетному тонкому листку,
И к облаку, мерцающему в небе,
И к этому прозрачному ростку,
Едва-едва наметившему стебель.
Какая сила взрывчатая в нем!
Какой в нем дух бессмертный и упорный!
Он сжался весь в стремлении одном:
Прорваться вверх сквозь призрачные формы.
Который год, а может быть, и век
Он рвется вверх, и только вверх и вверх.

24

Прислушайся, дыханье затая,
К неведомому, дальнему чему-то.
Не умолкает вечность для тебя
Ни на одну короткую минуту.
Ты с вечностью встречаешься сейчас
Лицом к лицу. Наедине. И ныне
Ничто, ничто не разделяет вас:
Ни страхи, ни сомненье, ни унынье.
Все позади. И понимаешь ты:
Все то, что было, было предисловьем,
И ощущенье близкой высоты
Тебе даруют солнце и безмолвье.
Пронизанный бескрайней синевой,
Ты дышишь нынче вечностью самой.

25

В урочный час и в неурочный час,
Глухой к сомненьям, страхам, укоризне,
Вершится в нас, подхватывает нас
Круговорот единой вечной жизни.
Неудержим стремительный поток!
Холмы, пригорки, знойная долина,
Цветы, деревья, лепесток, листок
И мы с тобой — здесь все неразделимо!
И мы с тобой отныне и навек
К потоку светоносному причастны...
О как же будет счастлив человек,
Как должен быть он радостен и счастлив,
Входящий в мир прозрачно-голубой
Через тебя, через твою любовь!..

Муса МАГОМЕДОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. ВОРОБЬЕВА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ГОРНОМУ ЭХУ

1

...Родилась она, дочь Эльдара, в ветреный майский день 1942 года. В горах уже отцвели дикие яблони, и крутые склоны были усыпаны белыми лепестками, точно первым легким снежком.

В ту минуту, когда она появилась на свет, ее отец, приехавший в аул на побывку после тяжелого ранения, сидел в колхозной кузнице на перевернутом ведре и, закусывая кислым яблоком только что выпитый стакан водки, говорил:

— Хотя в уразе да в намазах всяких не особенно я усердствовал, аллах-таки наделил меня счастьем... Наверное, он учел доброту моего сердца, а потому сегодня жена, я надеюсь, родит мне сына. Назову его Хаджи-Мурадом или Шамилем... А, может, Махмудом назвать? Как, Халид?

Кузнец Халид только качнул почерневшей от копоти седой бородой, но ничего не сказал. Эльдар так и не понял, какое имя одобряет старик.

— Брось ты, Халид, свое железо, раздели со мной мою радость... Выпей. Сколько известных людей дал миру Аваристан, который меньше ослиной головы! Пусть и мой сын прославит в народе свое имя.

— Дети обычно вырастают похожими на родителей,— проговорил старый кузнец.— А твое имя, хоть ты и был ранен на фронте, пока не занесли на знамена храбрых.

— Смеешься? А разве не известно мое имя в горах? Многие знают мои песни...

— Видишь ли, Эльдар... Если ты сумел песнями вскружить голову одной бакдабке, то напрасно думаешь, что твой «далай-дулай» способен всю землю, как вол на рогах, на себе нести.

Старый кузнец намекал на историю женитьбы Эльдара. Историю эту знали люди всех близлежащих горских селений.

Жену Эльдара звали Сарат, родилась и выросла она в ауле Бакдаб. Когда девушка начала входить в пору, родители ее принялись потихоньку готовиться к свадебному торжеству.

Эльдар в те годы был весел, беззаботен, разъезжал по аулам и пел свои песни, на которые был большой мастер. Редко-редко какая свадьба обходилась без Эльдара.

Как-то он оказался в ауле Бакдаб. Песни его ошеломили юную Сарат. И однажды на гулянье, оставив без внимания аульных парней, она подала палочку Эльдару и пригласила его танцевать.

С тех пор Эльдар под разными предлогами зачастил в Бакдаб. Он останавливался у своего знакомого, который жил по соседству с домом Сарат. Завидев у ворот на другой стороне улицы коня Эльдара, Сарат вспыхивала огнем, бесцельно бродила по комнатам, натыкаясь на вещи. А ночью она выходила на балкон и, прислонясь к столбу, слушала песни Эльдара, которые доносились из открытого окна соседского дома.

О любви Сарат узнал отец. Он жестоко наказал дочь, а заодно и ее мать, будто и она была в чем-то виновата. И объявил всем в ауле, что поведение дочери опозорило его навеки.

Однако Сарат не испугалась ни тяжкой плети отца, ни людской молвы. И в один вот такой же, как сегодня, ветреный майский день, когда склоны гор вот так же были усеяны лепестками отцветающих диких яблонь, села на коня Эльдара и уехала с ним. А к вечеру они стали мужем и женой...

Вот на эту историю, явно не одобряя ее, и намекал кузнец Халид. Но Эльдар никогда не обращал внимания на то, что кое-кто в горах до сих пор неприязненно относился к нему из-за женитьбы на Сарат. Он любил Сарат, был счастлив, а это было главным.

— Эх, Халид, отсталый ты человек,— добродушно произнес Эльдар.— Я разве утверждаю, что мой пандур и мои песни способны покорить весь мир? Нет... Но хорошая песня заставляет быстрее биться сердце в груди. Я не покорял мир песнями, но я видел глаза юных горянок, когда их слуха касался мой голос... И этого мне достаточно.

Кузнец сердито застучал молотком по раскаленной железке. Потом бросил ее в кадку с водой. В кадке зашипело, оттуда вырвалось небольшое облачко пара — точно дымком кто-то пыхнул — и тотчас растаяло.

Эльдар поглядел, как оно растаяло, и улыбнулся.

— Даже такие, как ты, чья жизнь прошла на отшибе, послушав мои песни, становились добрее и мягче.

— Разговорился! — буркнул старый Халид.— Разве хвастовство украшает горца?

— Хе! — воскликнул упрямый Эльдар, который и в самом деле любил похвастаться.— Я вот поглядел на этот пар, что вылетел из кадки с водой да сразу и растаял... Поглядел и подумал... Знаешь, о чем я подумал? Вот люди славят Газимагоа Чалдинского, Патимат Корскую... Что же, они достойны этого, я понимаю. Но... и мое имя так же славили бы, если б я захотел... Стал бы учиться, поступил бы в театр. Голос мой звенел бы по радио всюду, в каждой сакле. Но я не захотел этого. А знаешь почему?

Кузнец, опять ничего не ответив, сердито принялся раздувать горн.

— А потому, — продолжал Эльдар, — что слава человеческая похожа вот на это облачко пара, вырвавшееся из бочки. Вспыхнет она, эта слава, и тотчас растает, исчезнет. Если бы человек был вечно молод, тогда другое дело. Но человек быстро старится, слава его покидает. А зачем мне делать себя несчастным?

— Болтун ты,— разжал наконец губы старый Халид.— А вот в народе говорят: если скакун в молодости не возьмет первого приза, то в старости тем более.

— Э-э, Халид,— мотнул головой Эльдар.— У тебя свои понятия, у меня свои. В общем, не захотел я, чтобы имя мое славили, как белого коня... Человек не конь, слава не дает человеку покоя. Люди теряют свое достоинство, увидев знаменитого, бегут за ним толпой, как стадо баранов, едят глазами, расставляют уши, ожидая от него любого слова... И глупые слова принимают за умные. И потом известный человек превращается в стеклянный сосуд, выставленный на всеобщее обозрение. Известному человеку нельзя, как вот мне сегодня, сидеть в кузнице и пить водку. Так что слава мне не подходит... И я, Халид, говорил уж, что аллах дал мне то, что я просил: любимую жену, звонкий голос, от которого горянки вспыхивают жаром, умение земледельца. Вот и этой земной радостью не обделил...— Эльдар приподнял почти полный стакан.— И я доволен судьбой. На фронте, когда рядом взорвался фашистский снаряд, соседа моего разнесло в клочья, а меня только отбросило да оглушило. Правда, осколком еще задело. Но и осколок прошел между ребер, не затронув сердца и легких. И вот теперь, в день рождения моего сына, я дома! Не-ет, Халид, я счастливый. Сейчас соседка Жавгарат или кто-нибудь еще прибежит и сообщит радостную весть. Зарежу я жирного барана — еще ночью привел его в сарай, когда жене стало невмоготу. Куплю самогону из кураги у Алидибира. Он говорит: «Две четверти первой перегонки припрятал я для тебя, Эльдар». А женщину, которая сообщит мне радостную весть, я одарю полсотней червонцев... Погоди, кажется, кто-то кричит?

Снаружи действительно доносился не то вой, не то плач, сквозь который можно было разобрать: «Эльда-ар! Эльда-ар!»

Эльдар выскочил из кузницы. По улице бежала Жавгарат, растрепанная, со свалившимся с головы платком, конец которого подметал дорогу.

— Эльдар! Несчастная твоя судьба...— проговорила Жавгарат, и слезы не позволили ей говорить дальше.

— Что? Сарат?! — прохрипел он, леденея от страшной догадки.

И. Глазунов.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДРАМЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА».

— Умерла... твоя Сарат! — выдавила из себя женщина.— А дочка жива...

Эльдар закачался, как от удара тяжелой дубины, попятился, уперся спиной в стену кузницы и медленно осел на землю...

2

Осиротевшую дочь свою Эльдар в память жены назвал Сарат.

Укутав ребенка в ватное одеяло, Эльдар ходил по аулу и по очереди просил женщин, имевших грудных детей, покормить Сарат. Но таких женщин в тот год в ауле было немного.

Ночью Эльдар клал дочь рядом с собой. Люлька, которую подарил для новорожденной столяр Исбаги, пустовала, потому что маленькая Сарат, едва отец клал ее в люльку, начинала кричать, и Эльдар не знал, как ее успокоить.

Соседка, старая Жавгарат, частенько приходила в дом к Эльдару, помогала прибрать комнаты, иногда стирала.

— Все-таки надо приучить ее спать в люльке,— говорила Жавгарат.— А что плачет — это ничего. Чем больше кричит ребенок, тем голос становится звонче. Кто в детстве много плачет, тот взрослым будет веселым и жизнерадостным.

Но и Жавгарат не могла приучить маленькую Сарат спать в люльке.

Видя, как мучается Эльдар, таская девочку к кормящим матерям, Жавгарат посоветовала купить козу и потихоньку стала прикармливать Сарат козьим молоком. Сама обремененная большой семьей, Жавгарат не считалась со временем, не жалела сил, чтобы как-то облегчить участь Эльдара.

Однажды вечером уставшая Жавгарат, прежде чем уйти домой, тихо сказала, присев у дверей на скамеечку:

— Может, Эльдар, жениться тебе...

— Кто заменит мне мою Сарат? — воскликнул Эльдар.— И потом, как ты можешь?.. Как я могу, когда постель моя еще хранит тепло Сарат? Что люди обо мне скажут?

— Люди... Это все правда, Эльдар. Но правда и то, что отпуск твой скоро кончится... Ты должен идти на фронт. А что будет с маленькой Сарат?

Долго молчал Эльдар. Долго стояла тишина в комнате.

— Не знаю,— произнес наконец он.

— Я бы к себе ее взяла,— проговорила старая женщина.— Но у меня, ты знаешь, какая семья...

— Может быть, в детский приют ее... пока?

— Ой, Эльдар...— вздохнула Жавгарат.

И опять установилась тяжелая тишина.

За окном сгущался вечер, в сером сумраке тонули вершины гор. Над самой высокой скалой вспыхнула первая звездочка и, подмигивая, стала разгораться все ярче.

— Что ж, Эльдар...— Жавгарат с трудом поднялась со скамейки, потерла уставшую от нелегкой работы спину.— Как ни полон мешок с зерном, а еще одно зернышко туда можно втиснуть. А если аллах убережет тебя... вернешься с фронта — заберешь свою Сарат... Сладкой жизни ей у меня не будет, но обижать сироту не позволю.

— Добрая ты, Жавгарат,— сказал взволнованный Эльдар. — Спасибо за чистое сердце твое. Я еще подумаю...

А через несколько дней судьба маленькой Сарат решилась совсем по-иному. В этот день, рано утром, открылась дверь в неуютное теперь жилье Эльдара, и порог переступила худенькая горбатая женщина, одетая с ног до головы в черное.

— Нуцалай?! — воскликнул Эльдар.— Вот кого не ждал. Проходи...

— И правильно, что не ждал,— проговорила Нуцалай, подняла на Эльдара морщинистое лицо, повела из стороны в сторону острым и крючковатым, как у орла, носом, принюхалась к несвежему запаху, исходившему от постельки Сарат.— Да запах вот этот учуяла и пришла наведать тебя.

Нуцалай, сестра покойной жены Эльдара, до сих пор не простила ей самовольного выхода замуж. «Не сестра ты больше мне,— заявила она Сарат.— За сто километров буду обходить твой дом и твой аул».

Не поехала она и на ее похороны.

Но когда узнала, что Эльдару вот-вот надо отправиться на фронт, а маленькая Сарат будет отдана в приют или в семью Жавгарат, вывела со двора старого осла и двинулась тихонько из Бакдаба.

Нуцалай подошла к девочке. Сарат, видно, испугавшись, заплакала. Нуцалай взяла ее на руки, прижала к себе.

— Тысячу проклятий на мою голову за то, что до сих пор не пришла к тебе! — проговорила Нуцалай и поцеловала Сарат.— Успокойся, сиротка моя.

— Я не умер еще...— подал голос Эльдар.

— Ты не умер, да ведь на фронт тебе скоро... Ягненочек мой, да ты голодна вроде? Где у вас молоко?

Напившись, девочка успокоилась, потянулась ручонками к волосам Нуцалай, выбившимся из-под платка.

— Скажи мне: ма-ма... Ну, скажи,— заулыбалась Нуцалай.— Не умеешь еще? Ничего, я научу тебя... Я тебя к себе увезу, солнышко, а отец пусть едет фашистов проклятых бить.

— Ты, значит, уже все решила за меня? — проворчал Эльдар.— А может быть, я не отдам тебе дочь? Ты даже похоронить Сарат не приехала. Дай сюда ребенка!

— Ну! — прикрикнула Нуцалай.— Ее грех на ней и лежит. А маленькая Сарат при чем?

— С вашими порядками и обычаями там... хлебнет Сарат горя. Твоя ненависть ко мне и к ее покойной матери и на ребенка перейдет.

— У барана красивые глаза, а голова глупая,— усмехнулась Нуцалай.— И ты, видно, такой же... Лучше ей будет, что ли, у чужих людей или в приюте?

— Не перечь, Эльдар,— проговорила тихонько Жавгарат, неслышно вошедшая в комнату.— Отдай ей Сарат... Я бы не обижала ее, да ведь... Где нет кровного родства, дети все равно сиротами себя чувствуют.

Помолчал Эльдар, постоял у окна, высматривая что-то в горах. Над самой высокой скалой, над которой по вечерам загоралась первая звездочка, сейчас плавали обрывки грязноватых туч, а выше их было чистое бездонное небо.

— Это правда,— вздохнул Эльдар.— Ну что же...

Он подошел к Нуцалай, взял у нее дочь, долго глядел в ее маленькие любопытные глаза, которые были похожи на виноградинки, омытые росой.

— Что же делать, Сарат... Кончится война, я приеду за тобой...

Следующим утром Эльдар принес две большие корзины. Нуцалай сама навьючила их на своего осла. В одну положила Сарат, в другую — детскую одежонку, одеяла, подушки...

Потом Нуцалай потянула осла прочь со двора.

3

Когда разнеслась весть о победе, Сарат шел третий год и она только-только начала говорить.

Девочка, конечно, не понимала, что это за война такая, о которой твердят все вокруг, почему ждут какой-то победы. Как-то весной тетушка Нуцалай, взяв ее на руки, с плачем стала говорить, что отец ее погиб на фронте. Кто такой отец? Что означает слово «погиб»?

Мир слов и понятий только-только рождался в ее голове.

В мае, когда горы и долины полыхали цветами, в аул Бакдаб начали возвращаться фронтовики. И Сарат, держась за руку тетушки Нуцалай, с удовольствием семенила на край аула встречать их. Это были такие же люди, как все, только одеты почему-то одинаково. Они были добры, веселы, многие угощали ее сладостями. И Сарат, беря угощение, улыбалась, а Нуцалай-ада не улыбалась, она спрашивала у каждого:

— Не встречал ли ты где моего мужа Сайбулаха?

После такого вопроса фронтовик вдруг согнял с лица улыбку, говорил, что нет, не встречал. И еще что-то говорил обычно и спешил отойти прочь.

Однажды Сарат играла на балконе с кошкой, а сын тетушки Нуцалай, Усман-Гаджи, делал уроки. Его монгольские глаза, потонувшие глубоко под густыми бровями, бегали по страницам книги. Одной рукой он отламывал от чурека кусочки и клал в рот, а другой время от времени переворачивал страницы. Сарат бросала взгляды на Усман-Гаджи. Какие красивые рисунки были в его книгах! Но он никогда не разрешит даже одну книгу взять в руки.

Вдруг Сарат услышала плач и вой.«Охо-хо!» — кричал кто-то, и Сарат, кажется, различила голос тетушки Нуцалай. Повернув голову, девочка и в самом деле увидела тетку. Нуцалай, растрепанная, шла по улице, взмахивая руками, спотыкалась. Усман-Гаджи с грохотом отбросил стул и выбежал из дома.

— Ох, мое сокровище, осиротели мы с тобой! — закричала тетушка Нуцалай, увидев сына. Она подбежала к Усман-Гаджи, схватила его за плечи, притянула к себе и закричала громче прежнего:— Убили... убили фашисты твоего отца!.. В День Победы нашла его фашистская пуля. Зависть всего аула, сокол мой оставил нас на жалость людям...

Сарат, прижав к груди кошку, стояла на балконе, испуганная. Она поняла: в дом пришла какая-то беда.

Тетушка Нуцалай билась в слезах весь этот день и весь вечер. Приходили соседи, успокаивали ее, но от этого она рыдала еще сильнее.

Затихла Нуцалай только глубокой ночью. Сарат не спала, слушала, как тяжело дышит тетушка. Потом сползла со своей постели, подошла к Нуцалай, погладила ее по горячей голове и сказала:

— Не плачь, ада...

— Золотко мое! — откликнулась тетушка.— Горе горькое навалилось на наш дом, закрыло все окна. У меня ум отшибло, а ты голодная, наверно. Иди, там на столе лепешки и хинкал в тарелке остался. Поешь хоть холодного...

Сарат отбежала к столу, потом вернулась к кровати.

— На, ада... И ты ешь.— Сарат отломила от лепешки кусочек.— Ты уже давно голодная.

— Заботливая моя...— Нуцалай погладила ее по голове.— Ты сирота, и Усман-Гаджи теперь... тоже...

— А что такое «сирота»? — спросила Сарат.

Тетушка Нуцалай опять, но уже тихо заплакала...

4

Постепенно Сарат узнала значение всех слов: и что такое сирота, и что такое отец...

Правда, у нее-то отца не было, он погиб, защищая от фашистов этот уютный Бакдаб, эти красивые горы... Отец был у соседской девочки Халисат. Он часто сажал Халисат на плечо и уносил в поле. А зимой, ложась спать, брал ее к себе под шубу и рассказывал сказки.

И тетушка Нуцалай часто пускала Сарат к себе под одеяло, и она рассказывала сказки. Но Сарат все же завидовала Халисат, у которой был отец.

Отец... Слово это волновало теперь Сарат, заставляло ее о чем-то думать. Наверное, сказки ее отца были бы интереснее, чем те, которые рассказывает Нуцалай-ада. Наверное, он бы так же сажал ее на плечо и носил в поле... И, наверное, это так интересно и приятно — сидеть на плече отца, смотреть оттуда, сверху, на людей, на дома. И не надо бояться ни бодливого козла, ни злой собаки. Интересно, какой был у нее отец?

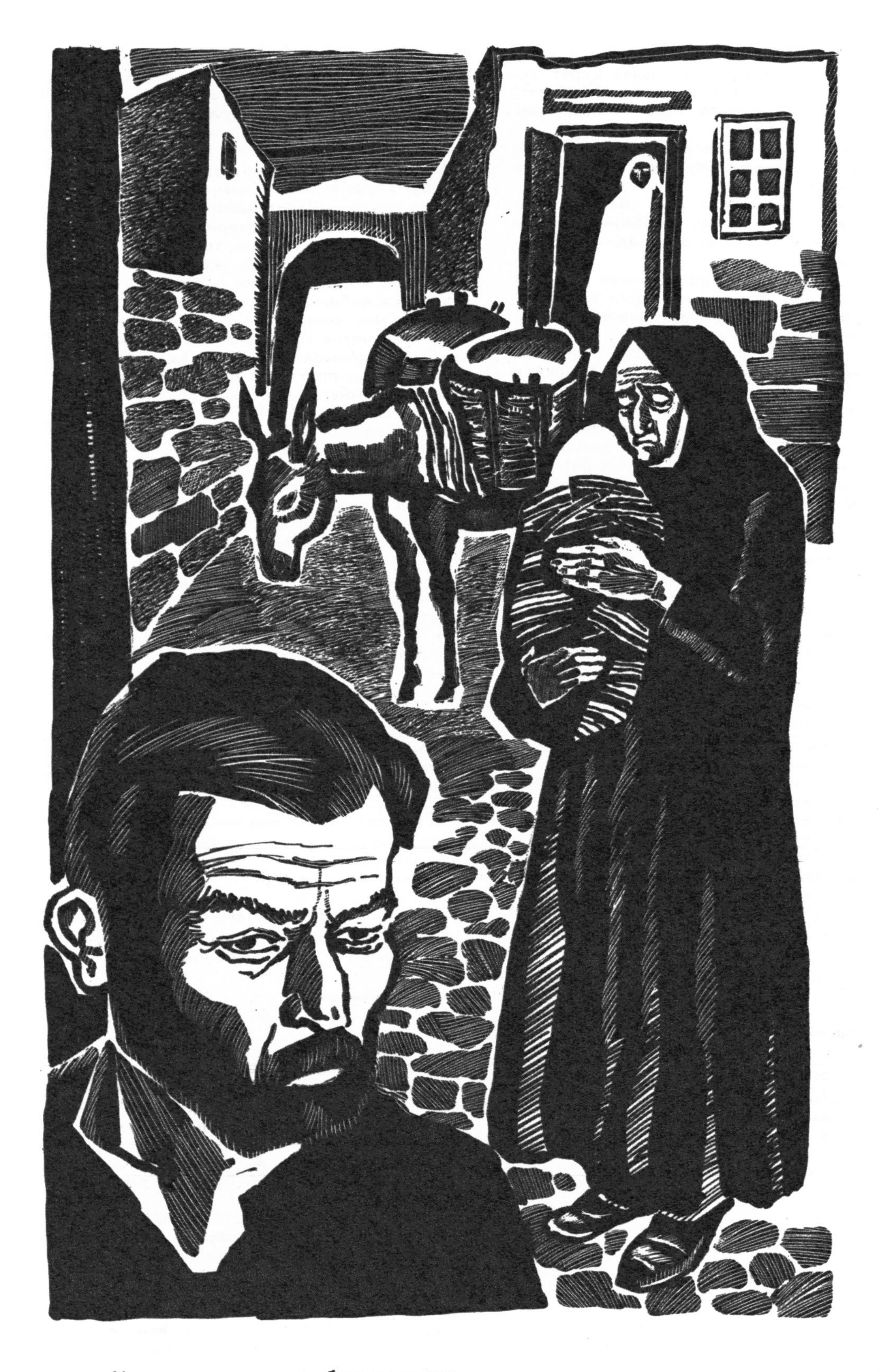
...А между тем шел год за годом. Не испытавшая ласки ни отца, ни матери, Сарат нежно привязалась к доброй тетушке Нуцалай. Тетушка постепенно научила ее секретам домашнего хозяйства. В свои шесть лет Сарат не только бегала с кувшином за водой, ходила с Нуцалай в поле, приносила траву теленку, но могла и хинкал, и плов, и чуду приготовить, и комнаты прибрать. Тетушке по хозяйству она помогала старательно, и труд был ей в радость. У девочки достаточно оставалось времени и для ее детских забав. То и дело слышали люди беззаботный смех Сарат. Слышали и говорили:

— Иная мать черствее сердцем к родным детям, чем старая Нуцалай к этой сиротке...

Когда Сарат исполнилось семь лет, Нуцалай собиралась отвести ее в школу. Но осенью случилось несчастье: Сарат простудилась и почти до половины зимы пролежала с воспалением

И. Глазунов.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА».

легких. И еще неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы не тетушка Нуцалай. Она дни и ночи сидела у постели Сарат, поила ее какими-то настоями из трав. Сама Нуцалай высохла и почернела, но выходила Сарат.

Весной Усман-Гаджи окончил десятилетку и уехал в город учиться на врача. А осенью Нуцалай привела наконец Сарат в школу.

— Не обижай мою девочку, доченька,— сказала она учительнице Маржанат.

— Что вы, Нуцалай-ада!— вспыхнула молоденькая учительница.

Маржанат была старшей сестрой Халисат. Она только что окончила педагогическое училище. Прошлым летом, приехав на каникулы, Маржанат привезла своей сестре красивое платье. Халисат, поблескивая от радости зелеными кошачьими глазами, целый день вертелась перед Сарат. Сарат похвалила ее обнову, но только весь день была скучной. Маленькое сердце сжимала какая-то непонятная ей самой тоска, не хотелось смотреть на Халисат. Старенькое платьишко Сарат было застирано и заштопано в нескольких местах, и девочка будто впервые увидела эту штопку. К вечеру она ушла на окраину села под большим, нависшим над дорогой камнем и долго сидела там, подперев кулачком подбородок, смотрела на аул, на горы за Бакдабом, меж которых плавал синий туман. И вдруг неожиданно всхлипнула. Обильно полились из глаз слезы, какие-то горькие, облегчающие. Она размазала их ладошкой по щекам и пошла домой.

— Почему ты плакала?—спросила тетушка.— Обидел кто-нибудь?

— Нет...— ответила Сарат, глядя в окно. Там все еще вертелась среди девчонок Халисат в новом платье. — Нет, — повторила Сарат, и губы ее дрогнули.

Старая, умная тетушка тоже посмотрела в окно. Потом оглядела с ног до головы Сарат и неприметно вздохнула.

На следующий день она открыла сундук, достала кусок яркого цветастого ситца.

— Вот, дочка...— сказала она.— Хотела к школе тебе сшить, берегла, да вчера заметила, что платьишко твое совсем износилось.

Сарат, ни слова не говоря, ткнулась головой в теплые колени тетушки, заплакала... А тетушка гладила ее по голове, по плечам.

Через день платье было готово, по красоте оно не уступало платью Халисат. Но за год это платье, хотя Сарат болела и потому носила его мало, как-то поблекло и истрепалось. И к школе тетушка сшила ей еще одно, потемнее, из более дешевой материи, но тоже очень красивое. Пожалуй, такое же красивое, как у самой учительницы.

Учение Сарат понравилось, на всех уроках она не сводила глаз с Маржанат, ловила каждое ее слово. Часто вместе с учительницей она возвращалась из школы, гордясь, что шагает рядом с умной и красивой Маржанат. Пусть все люди увидят это! Придет время, и Сарат тоже выучится на учительницу. Обязательно будет учительницей. Она так же будет приезжать из города домой на каникулы, привозить каждый раз тетушке Нуцалай новые платья и подарки.

Иногда, возвращаясь вот так из школы, Маржанат будто случайно спрашивала, нет ли письма от Усмана-Гаджи. Учительница при этом чуть краснела, и глаза ее начинали сильнее поблескивать, а длинные ресницы вздрагивали.

Маленькая Сарат не понимала, почему Маржанат, гордая и независимая, которую уважали все в Бакдабе, спрашивая о письме, краснеет, почему так блестят ее глаза и чуть вздрагивают ресницы. Она поняла это потом, через несколько лет, когда в Бакдаб приехал аварский театр. И еще в этот день поняла Сарат, как несчастна старая, добрая тетушка Нуцалай, заменившая ей мать...

Шесть лет назад, провожая сына на учебу в город, Нуцалай до окраины аула несла тяжелый чемодан, набитый чуреками, сушеным мясом, одеждой.

— Ну, сынок, до свиданья... Учись получше,— сказала она Усману-Гаджи на прощание.— Вернешься в село доктором, уважаемым человеком. Пусть аллах тебя бережет. Если будешь в чем нуждаться — сообщи. Сама буду голодать, а тебе помогу...

— Да что ты, мама, много ли мне нужно...— ответил Усман-Гаджи.—Концы с концами и сам сведу как-нибудь. Одежда и обувь есть, буду получать стипендию...

Однако не прошло и двух месяцев, как в Бакдаб от Усмана-Гаджи полетели письма с различными просьбами. И Нуцалай-ада после каждого письма бежала в сельсовет, в колхозную контору, чтобы узнать, не едет ли кто в город. Упрашивала отъезжающих захватить сыну гостинцы: немного кураги, мешочек сушеного мяса, банку-другую урбеча. Если на неделе в город никто не ехал, Нуцалай шла на почту, отправляла всякую снедь посылкой.

Года через три поползли слухи по Бакдабу: Усман-Гаджи уже не учится в медицинском институте, бросил его и работает теперь якобы артистом в аварском театре. Нуцалай сердилась:

— Что вы, злые хабары, распускаете? Разве занятие шута — дело мужчины? И кроме того, Усман написал бы мне... Эти шуты, веселящие людей, живут на подачках. Доктор — другое дело. Он людей избавляет от страданий. За это ему благодарны и сами люди и аллах. Какой же Усман артист, если, приезжая на каникулы, лечит меня от ревматизма? Он уже почти настоящий доктор. Вот приедет нынче летом — я спрошу у него. И сами вы можете спросить...

Но наступило лето, а Усман-Гаджи почему-то не приехал... Тетушка ходила хмурая.

Сарат от взрослых слышала, что тетушка Нуцалай не любит артистов, особенно певичек, из-за истории, случившейся с ней давным-давно, когда Нуцалай была молода и красива, как сейчас Маржанат. Будто бы ее любимого отняла какая-то певичка из бродячего театра, и она, Нуцалай, с горя чуть не бросилась на острые камни с высокой скалы, будто чудом удержал ее в последнюю секунду сильный и добрый парень Сайбулах, за которого она и вышла потом замуж.

Так это было или не так, но факт оставался фактом: артистов тетушка Нуцалай не любила. «А зря...— думала почему-то Сарат.— Они, артисты, людям улыбки дарят... Они живут жизнью особенной, нездешней... Непохожей на жизнь обыкновенных людей. А потом — на

артистках такие платья!» Она, Сарат, в кино видела и на картинках.

До приезда в Бакдаб аварского театра Сарат не понимала, почему мать ее учительницы Маржанат часто заходит к тетушке Нуцалай. Обычно они садились за стол, пили чай и вели длинные разговоры. Мать учительницы почему-то всегда жаловалась: до каких пор ее Маржанат сидеть в девках, ровесницы ее давно замуж повыходили, а Маржанат гонит прочь всех женихов. И отец сердится, потому что взрослая дочь в доме — гвоздь в сердце отца. Тетушка Нуцалай ей на это отвечала, что в прежние добрые времена родители сами, без согласия и ведома сына, засватывали ему невесту. Но теперь пошли другие порядки, женихи стали образованными и с таким самоуправством родителей мириться не хотят. Вот и ее Усман-Гаджи умница, учится старательно на доктора, а насчет женитьбы ей ничего не сообщает. Конечно, если бы Усман-Гаджи ей что-то сообщил, то она бы отрядила к какой-нибудь невесте сватов. Пусть уж сам, когда вернется доктором в село, пошлет уважаемого мужчину нашего рода к отцу невесты.

Слухи о том, что Усман-Гаджи бросил медицинский институт и работает в театре, приходили все чаще. Некоторые даже утверждали, что, будучи в городе, своими глазами видели Усмана-Гаджи на сцене. Но тетушка Нуцалай упорно не хотела этому верить.

— Давай-ка напишем нашему Усману маленькое письмо,— часто говорила она Сарат, усаживая ее за стол.— Видишь, как плохо неграмотной, письма даже написать не могу. А ты учись, учись получше, мое солнышко. И выучишься на учительницу, как Маржанат. Ох, какая славная девушка эта Маржанат! И как бы хорошо было: муж — врач, а жена — учительница...

Сарат даже после таких слов ни о чем не догадывалась. Она садилась за стол и писала под диктовку. Тетушка Нуцалай в письмах рассказывала сыну, как в горах ягнилась их овца, сколько цыплят высидела курица, какие изменения произошли в жизни соседей. И каждое письмо заканчивала словами о том, что весь аул ждет его возвращения, люди надеются, что Усман будет хорошим, отзывчивым врачом и что к аульной больнице собираются пристроить новый корпус.

В нескольких последних письмах подряд Нуцалай писала, что для его будущей невесты она купила платок с длинной бахромой, а он, Усман-Гаджи, должен по современным обычаям подарить ей часы. Если у него нет денег, то она в каждое письмо будет класть по сто рублей, и пусть Усман копит их на часы...

— Ой, а если кто другой вскроет письмо? — испуганно спрашивала всегда Сарат.— И деньги возьмет?

— Ну что ты, доченька...

— А невеста... Есть у него уже невеста?

— Ох, не знаю,— вздыхала Нуцалай.— Не надо об этом. Легко оставить девушку, а позор смыть ох трудно...

На письма матери Усман-Гаджи отвечал редко. Но если и отвечал, то очень коротко. Жив, мол, и здоров. Нуцалай не сердилась на такие скупые ответы. Только говорила иногда: что ж, некогда, значит, нашему Усману, учение у него трудное. А он весь в отца — любит все делать основательно. Учиться так учиться, нечего время на пустяки тратить.

Однажды Маржанат зашла в дом к тетушке Нуцалай, чтобы, как она объяснила, лично пригласить ее на родительское собрание.

— Да я знаю, Сарат мне говорила...— поблагодарила тетушка.

— Ну вот... Приходите, значит... Сарат очень способная девочка. Я хочу вам, Нуцалай-ада, при всех на собрании сказать это. И поблагодарить за хорошее воспитание. Вы можете гордиться.

Маржанат произнесла это и замолчала. Видно было, что учительница еще что-то хотела сказать, но не решалась.

— Вот... Скоро наш Усман вернется,— проговорила тетушка Нуцалай.— А я пока все фотографии его приклеила на газету и повесила на стенку. Посмотри, Маржанат.

Учительница подошла к стене. На газете были наклеены несколько фотокарточек школьных лет и те снимки, которые он изредка присылал матери из города.

На одной из фотографий Усман-Гаджи был снят среди парней и девушек. Ближе всех к Усману придвинулась высокая чернобровая красавица. Сарат не нравилась эта фотография. «Чего так неприлично распустила волосы при людях эта девушка? — думала Сарат.— Будто дома перед сном...»

Маржанат эта фотография тоже не понравилась. Едва увидев ее, учительница тревожно нахмурила брови.

Известие о том, что в Бакдаб приезжает аварский театр, пришло в середине дня.

— Нуцалай-ада! Артисты... Настоящие артисты к нам едут! — прибежала Сарат, взволнованная, из школы.— Пойдем вечером в клуб?!

Нуцалай готовила обед. Стукнув об пол кувшином, из которого она только что вылила воду в кастрюлю, сердито сказала:

— Больше нечем мне заниматься...

Хотя после войны прошло немало лет, у аварского театра не было еще своего автобуса или даже грузовика. Артисты ходили из одного села в другое, навьючив театральные костюмы и полотняные декорации на ишаков. Навстречу им выбегали дети и взрослые. Даже старики и старухи поднимались на плоские крыши домов и следили за приближающейся процессией.

Бакдаб аварские артисты посещали редко. Горная дорога в аул петляла чуть ли не под облаками, к тому же была она разбита колесами повозок, местами засыпана обвалами. На этот раз артисты, однако, преодолели все дорожные невзгоды и, еще не вступив в аул, оповестили о себе радостным сердцу каждого горца звуками зурны и барабана...

Продолжение следует.

Перевел с аварского Анатолий ИВАНОВ.

Михаил АКСЕНОВ

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ

Стихи из читального зала

Сопромата страницы помяты —
Спит девчонка. Греха нету в том.
Ах, любому, конечно, понятно,
Что девчонка намаялась днем
За станком,
или с кельмой на стройке,
Иль с пробирками где-то в НИИ.
Твой железный девиз: «Жизнестойкость!»
Век двадцатый!
И вот уж смотри:
Вновь девчонка за книгу берется.
Кулачками уперлась. Сидит.
Лишь порой поправляет прическу.
Вот звонок...
«День окончен!»— звенит.
Что ж, до завтра, до завтра, девчонка!
Жду тебя, не опаздывай только.

Красивая

Смотрели все: «Красивая!»
Шептали: «Посмотрите!»
«Красивая — счастливая,
Что там ни говорите...»
Счастливая, конечно.
Зачем ей жить в тоске?
Как солнышко, колечко
Горело на руке.

Поздняя весна

Еще не просушило солнце
Деревья и дома.
Воды под самый край в колодце.
Качнешь —
бежит сама.
Земля ночами, как железо,
А днем то здесь,
то там
Пучки травы зеленой лезут
Средь прошлогодних трав.
Прохожий ищет, где почище.
Прохожему — беда.
Снег где-то выпал —
с белой крышей
Проходят поезда.

Дожди идут стороной

Пожухли картофеля всходы.
Ни облачка. Тяжко и душно.
Кукует кому-то кукушка
Жить долгие,
долгие годы.
В полях —
тишина и зной.
Дождя бы!
А дождика нету...
Дожди идут стороной,
Дожди выпадают где-то.

Чермашны

Остались за спиною дачи,
С дорожками, с песком.
А здесь от солнца грунт горячий,
Ячмень и рожь кругом.
Шагаю,
Далеко шагаю,
И радуется глаз,
Что в поле ржица молодая
За силу принялась.
Я колоски рукою глажу,
Как гладил их мой дед.
Он день-деньской ходил по пашне,
Вставал пахать чуть свет.
Одной лошадкою пахал.
Ему отец мой помогал.

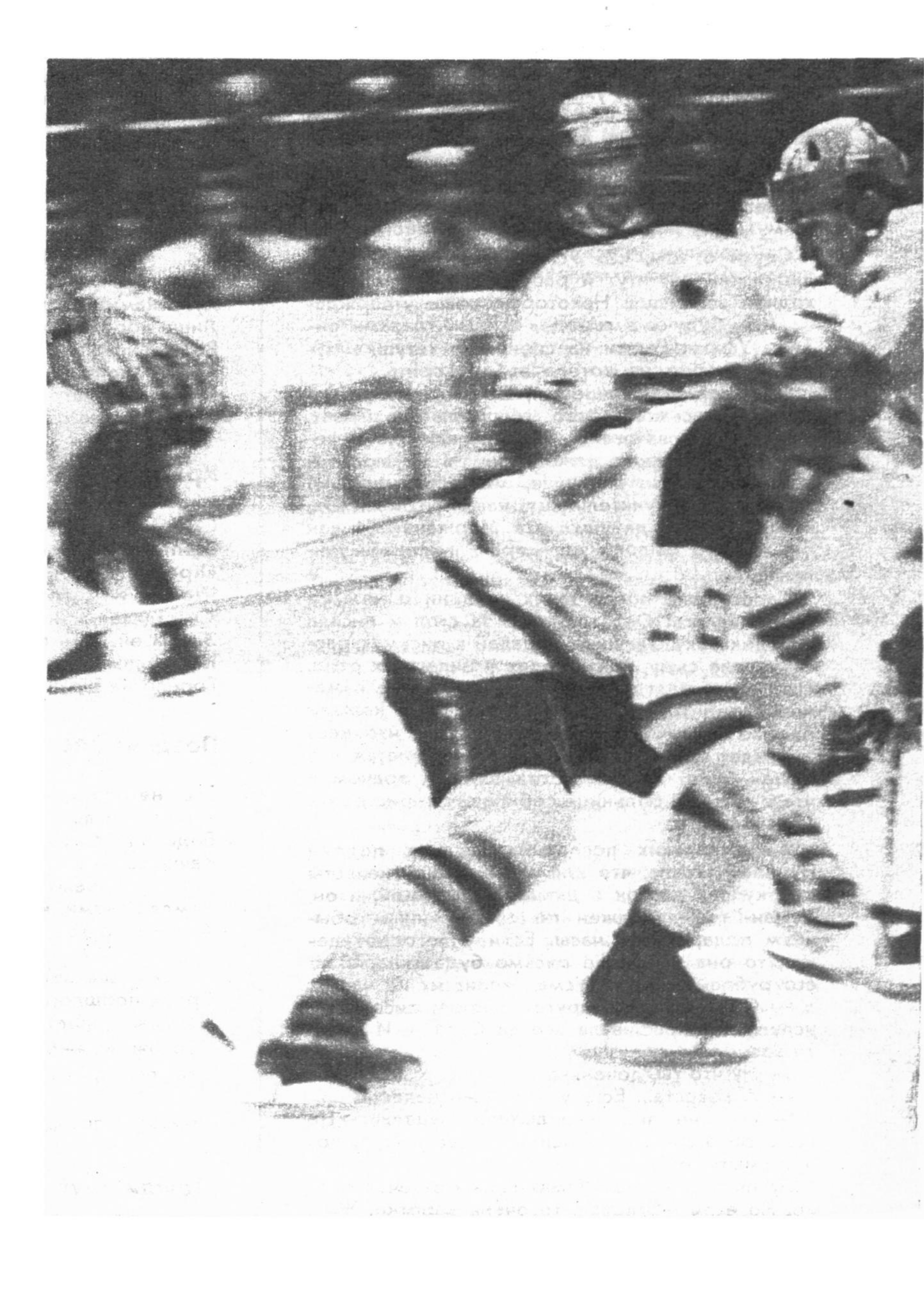
Есть деревенька Чермашны.
Куда ни глянь — поля видны.
Лес дорогой. В печи солома.
Ее натаскано полдома.
И мы, мальчишки, тут сидим,
Как мать печет хлеба, глядим.
Чермашны, о тульский край,
Меня совсем
Не отвергай.

Мальчишки и девчонка

Май, как шальной!
Бушует сад!
Копает сад дедуся.
В его забор мячи летят —
Свои
у внуков
вкусы!
Им беготня с мячом нужна.
«Давай,
Давай же, Колька!»
Стоит в стороночке одна,
Глядит на них девчонка.
Азартно бегают мальчишки:
Сашок, Иван, Олег...
Но кто-то ей, таясь от всех,
Стихи любви
напишет!

СЧАСТЛИВО

В. ВИКТОРОВ, А. БОЧИНИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Начало хоккейного чемпионата мира всегда напоминает торжественное отбытие международного экспресса: на перронах, то бишь трибунах, толпятся провожающие, а пассажиры, которым посчастливилось достать билеты на увлекательный шестнадцатидневный круиз, готовятся к путешествию. Но в отличие от обычных пассажиров хоккеисты отправляются в путь налегке: загрузка поезда багажом происходит по ходу движения, и только на конечную станцию экспресс прибывает, заполненный до отказа грузом в виде забитых шайб.

За те девятнадцать лет, что участвуют в чемпионатах советские спортсмены, хоккейные экспрессы отправлялись со многих станций: четырежды из Стокгольма, Крефельда, Кортины, Москвы, Осло, Скво-Вэлли, дважды из Женевы, Тампере, Любляны, Вены, Гренобля и дважды из Праги. И вот теперь Москва вторично принимает гостей, и надо сказать, что принимает по-московски! Мне довелось присутствовать на десяти чемпионатах мира, и я имею возможность заниматься сравнениями. Они в нашу пользу. Великолепно подготовлен Дворец спорта — его лед, его раздевалки, самая современная электроника обеспечивает зрителей, спортсменов и журналистов подробнейшей информацией, телефонный узел связывает Дворец спорта в Лужниках со всеми городами мира, залы пресс-центра поражают своими просторами и комфортом, а путеводитель по мировым чемпионатам (да, по всем чемпионатам, а не только по последнему мос-

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДРУГА

9 апреля американскому певцу и артисту, выдающемуся общественному деятелю, лауреату Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», большому, искреннему и верному другу народов нашей страны Полю Робсону исполняется 75 лет.

Первое знакомство Поля Робсона с советскими людьми произошло в 1931 году, когда во время американских гастролей он случайно в одном из клубов нью-йоркского Гарлема познакомился с... Сергеем Эйзенштейном. Так случай свел негритянского артиста с советским кинорежиссером. После этой встречи интерес Поля Робсона к Стране Советов продолжал расти... Начал даже изучать русский язык... В конце октября 1934 года Робсон вместе со своей супругой Эсландой приехал впервые в нашу страну. Сердечность, теплота, с которой его приняли москвичи, глубоко взволновали Робсона. «Там,— писал позднее Поль Робсон о нашей стране,— впервые за всю мою жизнь я почувствовал себя полноценным человеком. Я увидел страну, прошлое и будущее которой ясно свидетельствовали, что именно она будет другом колониальных народов в их борьбе за свое национальное освобождение».

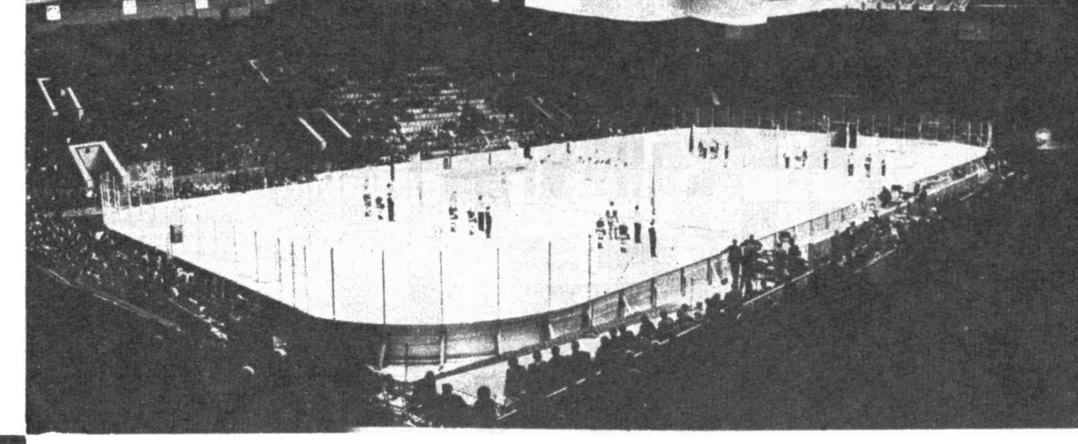
В 1936 году Робсон едет в охваченную гражданской войной Испанию, где он увидел и понял, какую опасность народам мира несет фашизм. Когда гитлеровские полчища напали на Советский Союз, он вместе с другими прогрессивными деятелями культуры США устраивал во многих городах Америки концерты, доход от которых шел в фонд «помощи России». На концертах и митингах Робсон исполнял советские песни, песни Советской Армии, рассказывал американцам о советских людях, страстно призывал к скорейшему открытию второго фронта. После окончания второй мировой войны подули злые ветры «холодной войны». Робсон вместе со многими другими честными сынами американского народа твердо и решительно встал в авангарде международного движения сторонников мира.

В 1952 году он был удостоен высокого звания лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Когда Робсон узнал об этом, он заявил представителям печати: «Почетная награда, которой я удостоен, принадлежит не только мне. Я отношу ее ко всем честным американцам, поднимающим свои голоса в защиту мира...»

В августе 1958 года Робсон вновь приезжает в Советский Союз. В Москве, Ленинграде, Ташкенте советские люди радушно встречали Поля Робсона как своего старого, доброго, большого и верного друга. Автору этих строк посчастливилось сфотографировать Робсона в те дни, когда он отдыхал в Крыму. Эта фотография и публикуется сейчас на страницах «Огонька».

Константин КУДРОВ

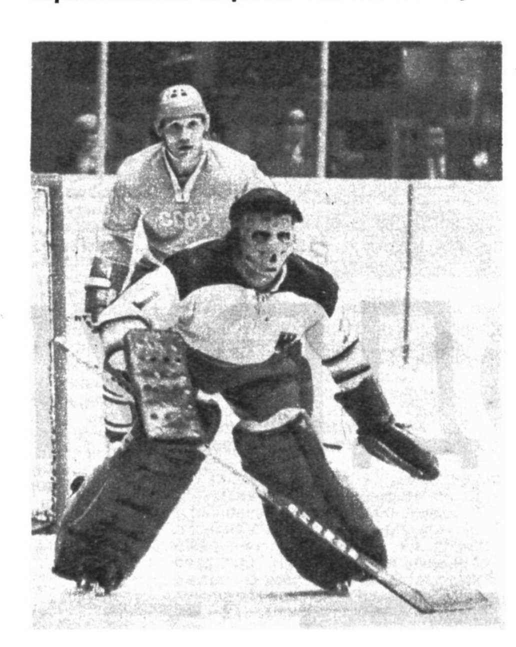
...ГО ПУТИ!

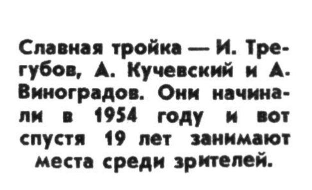
Торжественное открытие чемпионата мира в Москве.

Капитан советской сборной Б. Михайлов закручивает карусель атаки.

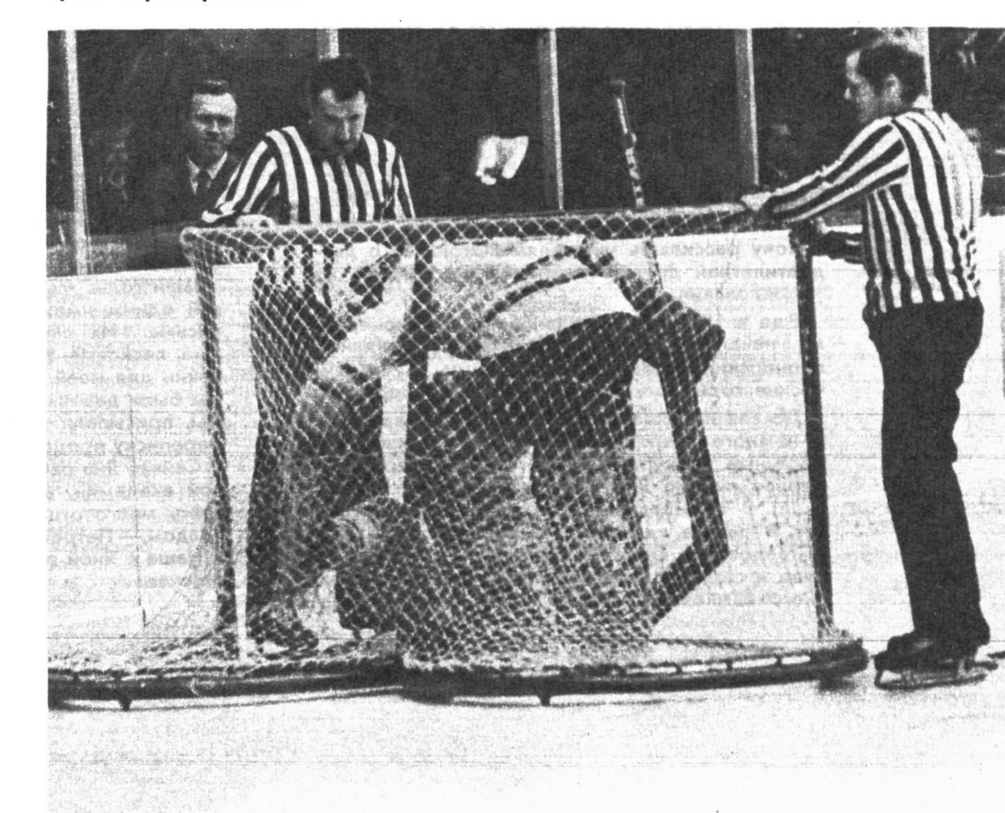

Вратарь сборной ФРГ чувствует себя не очень уютно: за его спиной Владимир Петров!

Славная тройка — И. Трегубов, А. Кучевский и А. Виноградов. Они начинали в 1954 году и вот спустя 19 лет занимают места среди зрителей.

Судьи в растерянности.

ковскому), выпущенный издательством «Физкультура и спорт» тиражом в 50 тысяч экземпляров и доступный каждому, по праву может называться Малой хоккейной энциклопедией.

Вот в такой праздничной, полной самых больших ожиданий обстановке и отошел от перрона хоккейный экспресс, и в первый же день его следования, после двух первых игр — Чехословакия — Польша и СССР — ФРГ,— в «багажное отделение» чемпионата было погружено сразу тридцать три шайбы! Начало знаменательное, говорящее не только о том, что хоккеисты Польши, вернувшиеся в группу «А» после трехлетнего отсутствия, и хоккеисты ФРГ, не жалеющие сил для прохождения самой суровой хоккейной школы, все еще уступают в мастерстве признанным лидерам — советским и чехословацким хоккеистам, но и о том, что лидеры с первых же секунд начали борьбу друг с другом. Дело в том, что запас шайб, которыми будет располагать та или другая команда, может решить судьбу первого места, и вот в ответ на четырнадцать шайб, забитых чехословацкими хоккеистами в ворота польской команды, советская сборная забила в ворота ФРГ семнадцать шайб. На второй день не покладая рук потрудились шведы и финны, постаравшиеся как можно убедительнее выиграть у тех же двух команд — Польши и ФРГ, а третий день ознаменовался первой сенсацией: чемпионы мира чехословацкие хоккеисты уступили шведам...

Так развернулись события на первых шести перегонах чемпионата, но главные встречи впереди.

КОНКУРС

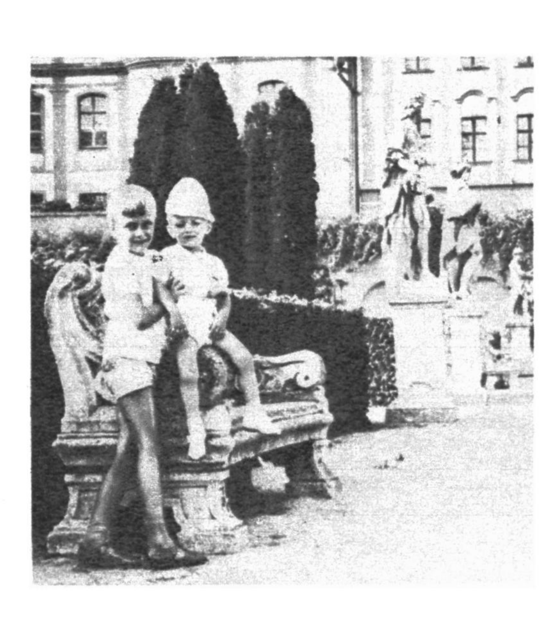

Яна — школьница.

ПОДРУГИ

Моя подруга получает диплом об окончании университета в Брно.

Игорь и Петр — сыновья Яны.

Живу я в городе Вольске на Волге. У нас с мужем двое детей. Олег учится в 5-м классе, младший, Игорек — во 2-м.

Хочу рассказать читателям «Огонька» о двадцатилетней дружбе с Яниной Шутовской из Чехословакии.

Еще в 1952 году, когда обе были пионерками, началась у нас переписка. Обменялись пионерскими галстуками, значками. В студенческие годы продолжали писать друг другу.

До сих пор храню пожелтевший от времени и немного потрепанный листочек бумаги, исписанный аккуратным детским почерком,— первое письмо Яны Зелинковой (ныне Шутовской). В 1960 году Яна поступила в университет. В письме, где она сообщает об этом, много радостных слов: «Я счастлива, что учусь в вузе и стану преподавателем русского и чешского языков. Учу также английский, немецкий, словацкий, старославянский и латынь. Это очень интересно».

Передо мной фотографии: вот Яна получает диплом об окончании университета, вот свадебный снимок.

Шли годы. Мы решили с Яной назвать сыновей одним именем — Игорь. И опять письма, письма... Их очень много — серьезные, веселые, ласковые. И каждая весточка из Чехословакии для моей семьи большая радость. Когда мы были девочками, переписывались наши мамы, присылали друг другу подарки. А теперь переписку продолжают сыновья.

Сейчас Яна работает преподавателем в военной академии, второго сына она назвала в честь моего отца, который погиб под Сталинградом,— Петром.

Наша с Яной заветная мечта — встретиться в Москве.

Маргарита ШТЕРН

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ — ТЕЗКА «ОГОНЬКА»

Надежда СЛАБИГОУДОВА,
корреспондент чехословацкого журнала «Огонек»

По возрасту он вдвое моложе своего советского однофамильца — скоро ему исполнится 25 лет. Выходит в Праге на русском языке. На его страницах вы встретите знакомых героев — доктора Айболита, Царевну-лягушку и других... Их хорошо знают и любят наши читатели — чехословацкие школьники, изучающие русский язык. Именно для них Министерство образования издает журнал «Огонек». У него значительный тираж — 136 тысяч экземпляров.

Когда наш «Огонек» только родился, в Чехословакии почти не было учебников русского языка, и мы стремились в какой-то мере восполнить этот пробел. Сегодня у нас достаточно хороших учебников русского языка, и задачи журнала расширились. Опытный педагог, мудрый воспитатель, веселый массовик-затейник — вот кем должен быть наш журнал для чехословацкой детворы. Его главная цель — научить ребят русскому языку, подготовить школьников к чтению в оригинале советских книг, газет, журналов.

Очень хорошо налажено сотрудничество между редакцией и чехословацким радио. Ежедневно в определенное время идут передачи для школьников, сделанные по нашим страницам. Материалы, опубликованные к 50-летию образования Советского Союза, помогли ребятам хорошо подготовиться к различным конкурсам по русскому языку, в частности к олимпиаде русского языка. Пять победителей в 1972 году участвовали в первой международной олимпиаде русского языка в Москве и завоевали две золотые, две серебряные и одну бронзовую медали. Мы опубликовали большой репортаж нашего корреспондента об этом событии.

Каждый год устраиваем конкурс, посвященный СССР. И хотя вопросы не такие уж простые, число участников все растет. В последний раз их было более двух тысяч. Многие ребята прислали рисунки, снимки, вырезки из советских журналов. На вопрос «Кто твой любимый советский писатель?» 90% читателей ответили: «Аркадий Гайдар» — и очень многие назвали все его произведения, приложили краткую биографию писателя и фотографии.

Провели мы и конкурс на лучший рисунок из жизни СССР. Мы получили очень много работ. И хотим устроить выставку в музее имени Я. А. Коменского и на международной конференции детских журналов на русском языке, которая состоится в мае в Праге.

В редакцию приходит множество писем, в которых ребята сообщают о переписке с советскими школьниками, рассказывают, чем они занимаются в кружках друзей русского языка и в клубах интернациональной дружбы, что они знают об СССР.

Вот одно из писем наших читателей:

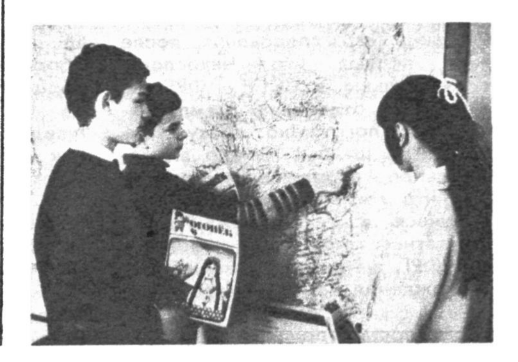
«Дорогая редакция!

Наш «Клуб молодых друзей СССР» существует уже 3 года. В 1971 году нам посчастливилось познакомиться с уральским мастером миниатюр инженером Селятиным. С большим интересом мы выслушали его рассказ о том, как он работает над миниатюрами при помощи крошечных приборов. Он показал нам также свой подарок нашему президенту Л. Свободе. С того времени началась наша дружба с Артемовской 11-й школой в Свердловской области.

От имени членов «Клуба молодых друзей СССР» при 22-й школе Пльзень-Доубравки Дана Дайчова, Гана Улеглова».

На снимке: читатели чехословацкого «Огонька».

Фото Зденека ЛАБИКА.

А. РУБИНОВ

НЕВОСПИТАННЫЕ СТЕНЫ

Археологи говорят, что самый древний на земле письменный знак находился над входом в одну испанскую пещеру. Там нарисовано что-то вроде башмачка, а перед ним — абстрактная закорючка. В переводе на современный язык это означает: «Вход посторонним запрещен!» Неужели письменность была изобретена человеком ради запретительных надписей? Во всяком случае, нынешняя настенная и надверная письменность из всех накопленных человечеством лексических богатств охотнее всего использует небольшой круг словечек, которые задирают прохожего, денно и нощно оскорбительно покрикивают на него.

...Ленинград всегда славился корректностью жителей, но тем не менее в вестибюле оперной студии консерватории давно уже висит трехъязычная табличка. По-немецки там написано «Nicht rauchen», что, как известно, переводится «Не курить». По-английски: «No smoking», что означает то же самое. А по-русски несмываемой краской написано еще более сердитое «Курить запрещается». Дело не только в том, что с публикой, читающей по-русски, стены культурного заведения, где звучит благородная музыка, говорят менее изысканно, чем с теми, кто изъясняется на заморских языках. Даже на иностранных языках можно было бы говорить вежливее. Ну, скажем: «Курительная комната — слева».

Получается, правда, несколько длиннее. Запретительные окрики, конечно, всегда короче, но хотя за лишнюю букву настенным живописцам приходится платить соответственно больше, крикливая краткость повелительных табличек идет отнюдь не из-за экономии: такова традиция, которая, как мы выяснили, пошла от древних времен.

Традиция эта по большей части идет вопреки интересам экономики. Некоторое время назад московские Калитниковские бани обновляли говорящие со стен и дверей стеклянные надписи. И первым делом были заказаны запретительные указания. Судя по просьбе дирекции, готовой оплатить все расходы по безналичному расчету, более всего нуждались в старинейшем изречении: «Вход посторонним воспрещен». Куда их потом повесили? Над входом в мужское отделение, чтобы прекрасная половина человечества не вздумала смущать сильную, когда та расхаживает с веником, но без галстука. Но зачем это делать, если имеется табличка «Мужское отделение»? Запрещения, видимо, предназначались для котельной, где посторонним, идущим в баню с чемоданчиком, действительно делать нечего. Так чтобы те не ошиблись дверью, хватило бы одного слова: «Котельная». Короче и дешевле.

Мастера, которые пишут буквы красками по стеклу, рассказывают, что половина их произведений относится отнюдь не к информационному жанру. Делают табличку для вокзала: «Вход посторонним воспрещен». Заказ — сто штук! Это для вокзала, где вот уже много лет можно входить почти в любую дверь совершенно бесплатно: перронные-то билеты давно отменены. Оказывается, часть сердитых стеклянных табличек предназначена для касс. Так почему бы и не написать просто и лаконично: «Касса». Проще, дешевле, а главное, уважительнее. Или, скажем: «Багажное отделение», «Служебный вход», «Склад»... Все ясно. Входить сюда посторонним не следует.

На недавно перестроенном, осовремененном Ярославском вокзале в Москве — стеклянные двери, эскалаторы! — поставили на полу высокую треногу с самодельной надписью: «Остановка с вещами запрещена». Ну, а если чемодан у меня тяжелый и я устал его тащить? Остановлюсь, несмотря ни на что!

Дежурный по вокзалу объяснил мне необходимость этой запретительной треноги таким образом:

— Это чтобы не загромождали вестибюль. Знаете, когда прибывает поезд, скапливается столько народу — пройти невозможно. Может возникнуть пробка. Да и неудобно там с вещами стоять: дверь близко, сквозняк. Посмотрите сами: с тех пор, как поставили знак, вестибюль всегда свободен.

Я посмотрел и убедился, что дежурный был прав: вестибюль пустой, у таблички «Остановка с вещами запрещена» — ни души. Но, поскольку я был без вещей, я остановился. Постоял. И, поскольку не было ни души, я позволил себе маленький эксперимент: оттащил знак в угол и повернул надписью к стене.

С тех пор прошло две недели. Вчера я был на вокзале. Знак по-прежнему в углу, а с вещами на сквозняке — никого! Правда, иные пассажиры, уморившись от чемоданов, на минуту останавливаются — перевести дух, отереть пот, а потом идут дальше. Да и что стоять им на ветру? Вокзал большой, повсюду скамейки. На втором этаже столовая — туда на эскалаторе легко и с вещами...

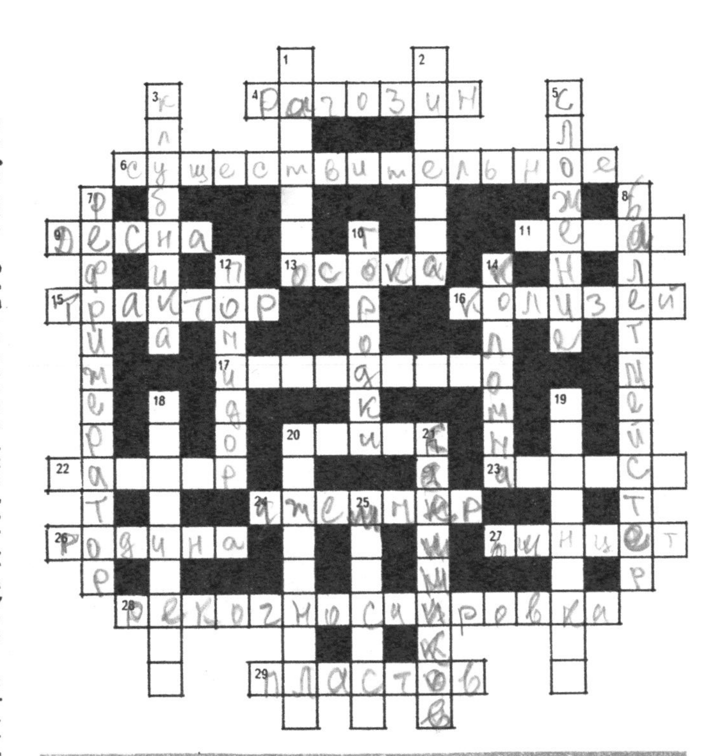
По всей видимости, настенная грубость — анахронизм, доставшийся от пещерных времен. Она оказалась заметнее оттого, что улицы стали оживленнее, просторнее и сгинули надежно обнесенные оградой непроходные двери-тупики. Вывески-окрики — это наследие эпохи частной собственности и классового расслоения. В дореволюционные времена в центре Воронежа, у входа в парк, где по вечерам дефилировала благородная публика, была вывеска: «Собакам и солдатам вход воспрещен». Не знаю, как с собаками (следует ли с ними прогуливаться по паркам, пусть на это ответят санитарные врачи), но мне представляется знамением, что в Москве в последние годы убрали заборы всюду, где это только возможно. Вещественным олицетворением оскорбительного заявления о том, что «вход посторонним воспрещен», был забор. Теперь в Москве почти нигде нет деревянных оград, а в последнее время стали сносить и металлические. На Ленинском проспекте, где с улицей соседствует Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, исчез вековой железный забор. На его месте — низкий гранитный парапет. И сразу открылись деревья, проспект стал просторнее, наряднее. Да и парк выглядит приветливее.

Без запретительных, ограничивающих, устрашающих табличек, которые командуют и повелевают, улицы, дома, вокзалы, театры станут выглядеть добрее, дружественнее. И умнее: ведь это же нелепость, когда в гостинице написано: «Вход в галошах запрещен»... Галоши в городе уже давно не носят. Согласитесь, что оскорбительно запрещать нам делать нечто вздорное, чего мы и делать-то не собираемся; входить в кассу, где считают деньги, или в машинное отделение метро, где гудят моторы эскалаторов. А нас уже заранее заподозрили в недобром намерении.

Нелепые надписи искажают в конце концов сам смысл нашей общественной жизни, словно пытаются внушить нам, что мы посторонние в государстве, которое принадлежит нам всем.

Право, было бы весьма полезно, если б представители местных Советов обошли свои районы и сократили, убрали все лишнее, грубое, глупое. В Москве за это уже взялись. Управление внешнего благоустройства не разрешает размещать над подъездами и входами сомнительные, безграмотные светящиеся буквы и вывески. Например, оно не допустило нелепое название «Ателье по ремонту электробритв», которым очень хотела украсить себя одна плохонькая мастерская, страдающая манией величия.

А на маленькие, вздорные надписи и таблички, особенно на те, что висят внутри зданий, пока никакой управы нет. Хорошо бы очистить наши дома и наши улицы от бранящихся, оскорбительных и просто ненужных, глупых угроз и устрашений, которые несутся со стен.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж трилогии К. А. Федина. 6. Часть речи. 9. Приток Днепра. 11. Созвездие северного полушария неба. 13. Травянистое растение. 15. Сельскохозяйственная машина. 16. Амфитеатр в Риме, памятник древнеримской архитектуры. 17. Азбука старославянского языка. 20. Разновидность агата. 22. Рыба семейства карповых. 23. Часть декорации. 24. Трикотажная фуфайка. 26. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Медицинский инструмент. 28. Разведка местности. 29. Советский живописец.

По вертикали: 1. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 2. Порт в Тунисе. 3. Ягода. 5. Арифметическое действие. 7. Транспортное средство с холодильными установками. 8. Постановщик танцев. 10. Русская народная игра. 12. Овощ. 14. Город в Московской области. 18. Прибор для относительных измерений ускорения силы тяжести. 19. Советский химик, создатель угольного противогаза. 20. Травянистое растение с желтыми соцветиями. 21. Советский хоровой дирижер. 25. Древнегреческая поэма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 7. Тургенев. 8. Веласкес. 9. Мантисса. 11. «Каштанка». 12. Нива. 13. Ровно. 14. Клест. 15. Капабланка. 19. Контральто. 22. Гичка. 23. Тюбик. 24. Дуэт. 25. Кувшинка. 27. Антрацит. 29. Молчалин. 30. Стотинка.

По вертикали: 1. «Поединок». 2. Пластика. 3. Булахов. 4. Цейс. 5. Кета. 6. «Черкесы». 10. Антарктида. 11. Катапульта. 16. Арно. 17. Корт. 18. Рисунок. 19. Калидаса. 20. Открытка. 21. Лисичка. 26. Клин. 28. Нота.

На первой странице обложки: В. Перов. Портрет писателя А. Н. Островского.

На последней странице обложки: Сцены из комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» в Государственном академическом Малом театре СССР. Вверху: Мавра Тарасовна — народная артистка СССР Е. М. Шатрова и Сила Ерофеич Грознов — народный артист СССР Б. А. Бабочкин; Амос Панфилович Барабошев — народный артист СССР Н. И. Рыжов. Внизу: Глеб Меркулыч — народный артист СССР П. А. Константинов; Поликсена — заслуженная артистка РСФСР Л. В. Юдина и Фелицата — народная артистка РСФСР С. Н. Фадеева.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/III 73 г. А 00050. Подп. к печ. 3/IV 73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 708. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 369.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Геолог Лидия Брызгалова.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора.

ТРОПЫ В БУД

Сколько раз в день поклонится земле геолог!

Крылатые помощники первопроходцев.

Человек спешит навстречу неизвестному. Сквозь таежную глухомань и зной пустынь, сопровождаемый тучами комаров и увязая в песке, идет он, первопроходец, нехоженой тропою. Кто знает, может быть, совсем скоро его тропа обернется большой дорогой, а на месте палатки поднимется город. Город, который своим рождением будет обязан ему, геологу.

— Сегодня на вооружении геологов мощная техника,— рассказывает начальник Южно-Приморской геологической экспедиции Андрей Федорович Крамчанин.— Но это у разведчиков, а мы, поисковики, отправляемся в путь налегке, проводим геологическую съемку, собираем образцы, готовим пробы. Потом уже за нами идут разведчики...

Я видел стоянки геологов-разведчиков с вертолета: буровые вышки, к которым тянутся серпантины дорог. С воздуха треноги копров кажутся крохотными. А спустишься на землю, подойдешь к буровой — и ты вынужден запрокидывать голову, чтобы увидеть, как сверху опускается стальная штанга бура. Разведчики бурят скважины, проходят горные выработки, определяют границу и запасы месторождения: какова мощность рудных пластов, на какой глубине они залегают, в каких породах...

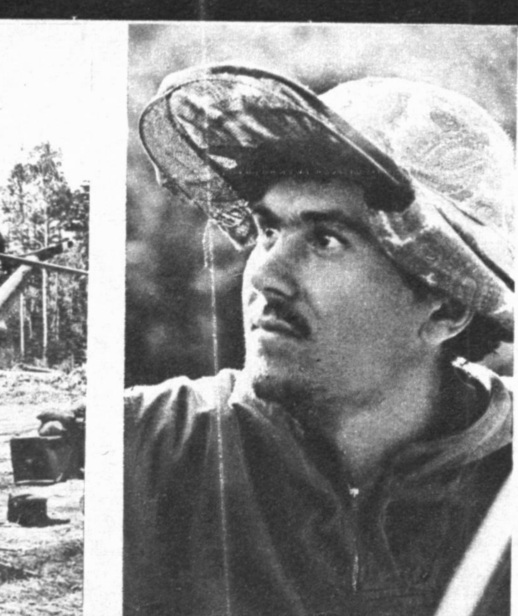
— За годы девятой пятилетки,— продолжает Андрей Федорович,— геологами Приморья открыты два крупных месторождения оловянных руд. Найдены большие запасы вольфрама. Недавно сдано в эксплуатацию Дальневосточному горно-металлургическому комбинату свинцово-цинковое месторождение «Садовое». В этом году мы запланировали провести основные работы в северо-восточной части края. К полевому сезону 1973 года готовятся шестнадцать партий нашей экспедиции.

...Пройдут годы, и вслед за теми, кто сегодня идет на поиск, двинутся строители, чтобы возвести новые рудники и комбинаты, поселки и города. И есть все основания надеяться, что в этих фотографиях запечатлена их предыстория.

Будет свет и тепло!

Геннадий Коногоров — начальник поискового отряда.

В маршрут.

